

An illustration of a New York City street at night. The sky is a deep blue, filled with white stars and a large, bright full moon. In the center is a multi-story brick building with several windows lit from within, showing silhouettes of people. To the left is a tall, dark building with a pointed top, and to the right is another tall building with many lit windows. At the bottom, a street-level scene shows a shop with a sign and a green door. The overall style is a stylized, colorful illustration.

Марк Миллер

Полночь! Нью-Йорк

Марк Миллер

Полночь! Нью-Йорк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67893315

Полночь! Нью-Йорк : роман / Марк Миллер ; пер. с фр. Е. Клоковой:

Иностранка, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-389-21154-4

Аннотация

Париж. Лоррен, сотрудница пиар-агентства, тонкая ценительница искусства, едет в Нью-Йорк, где ей предстоит повышение. Неизвестный человек, якобы много лет назад убивший ее отца, шлет ей письма с угрозами, ее жизнь в опасности, но это обстоятельство Лоррен от всех скрывает.

Нью-Йорк. Лео, талантливый художник, выходит из тюрьмы, где просидел три года за подделку картин великих мастеров. Покупатели подделок недовольны, и на свободе Лео предстоят крупные неприятности.

Конечно, эти двое встретятся. Конечно, им предстоят великие испытания и великая любовь. И конечно, их общая история превратится в головокружительное приключение, потому что их жизни переплелись много лет назад, хотя оба они об этом не подозревают, а угрозы преследователя отнюдь не пусты.

Марк Миллер написал романтическую и напряженную историю, в которой смешались любовь, искусство, алчность, тайны

происхождения и непредсказуемость судеб. Что еще нужно для увлекательного романа? Знать, кто его написал, – но имя автора окутано тайной. Марк Миллер тщательно оберегает свое инкогнито, и критики, превознося его дебют «Полночь! Нью-Йорк», относительно личности автора теряются в догадках вместе с читателями. Перед вами, таким образом, двойная интрига: история Лео и Лоррен и история автора – и одну из этих историй вы дочитаете до финала на одном дыхании.

Впервые на русском!

Содержание

Пресса о романе Марка Миллера «Полночь! Нью-Йорк»	7
Пролог	11
Часть первая	15
1	15
2	21
3	27
4	37
5	45
6	48
7	61
8	75
9	84
10	92
11	102
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Марк Миллер

Полночь! Нью-Йорк

*Лизе, моей скале, моему компасу,
которая одним дивным утром
подарила мне идею и стала
моей первой читательницей*

*Только любовь может спасти человека от
падения.*

Пол Остер¹

Mark Miller

MINUIT! NEW YORK

© XO Éditions, 2021 Published by arrangement with Lester
Literary Agency

Перевод с французского *Елены Клоковой*

Издание подготовлено при участии издательства «Азбу-
ка».

¹ Цитата из романа американского писателя Пола Бенджамина Остера (р. 1947) «Храм луны» (*Moon Palace*, 1989), перев. М. Николаева.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

© Е. В. Клокова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство
Иностранка®

Пресса о романе Марка Миллера «Полночь! Нью-Йорк»

Роскошный триллер. Тревожная история, которая будет резонировать годами.

BFM TV

Саспенс, экшен, эмоции – все ингредиенты, из которых смешивается идеальный роман.

Gala

Оригинальный триллер с непредсказуемым финалом – искусство, любовь и интрига.

Version Femina

Мечь, подозрения, семейные тайны – Марк Миллер рассказывает увлекательнейшую историю.

Femme Actuelle

У «Полночь! Нью-Йорк» есть все задатки бестселлера.

Ouest France

О Марке Миллере мы пока не знаем ничего. Да это и не важно: интригу и саспенс он выстраивает мастерски – и зачаровывает.

La Dépêche du midi

Перед вами блокбастер – блестящая мелодрама 2.0 пополам с триллером.

La Voix du Nord

Мощная романтическая интрига – колдовская, своеобразная, экзотическая. История любви развивается по законам высокого искусства под знаком неумолимого рока. Идеальный роман.

Télé Z

Любовь, саспенс – прекрасный роман о тайнах, написанный таинственным автором.

Ici Paris

Поразительная книга! Триллер, ловко смикшированный с историей любви, – этот роман полон страсти и держит в неослабном напряжении. Очень рекомендуем, если хотите приятно провести время, а главное – если вас соблазняет открытие нового автора, который предпочитает не выходить из тени.

Le 7

Роман, от которого не оторваться, – эта изумительная история раскинулась от Парижа до Нью-Йорка. Экшен, саспенс, накал эмоций, симпатичные персонажи и неожиданный финал.

Le Quotidien du Médecin

Автор, предпочитая не раскрывать свою личность,

дарит нам саспенс и добела раскаленные эмоции.

La Gazette du Centre Morbihan

Любовь и мошенничество. Марк Миллер терзает и рвет сердца.

Les Affiches de la Haute-Saône

Не оторваться от первой до последней страницы.

Radio Massabielle

[Здравствуй, Лоррен. Помнишь меня? Вижу, ты снова одна сегодня вечером.]

[Кто вы?]

[Человек, который интересуется тобой.]

[Хватит! Я вас заблокирую!]

[Не получится. Разве тебе не интересно, кто я и как узнал о тебе столько всего?]

[Мне плевать, псих несчастный! Вы – мне – неинтересны! Вы просто еще один придурок на просторах интернета.]

[Ты правда не хочешь узнать, какие у меня планы? Зря, они касаются тебя.]

[Прощай, жалкий хмырь.]

[Я собираюсь *убить тебя*, Лоррен.]

[Что-о-о??]

[Как убил твоего отца...]

[Дебил хренов, мой отец умер двадцать восемь лет назад!]

[А убийцу так и не нашли, да?]

[И что с того? Любой может найти все детали той истории]

в Сети!]

[*Любой* не может знать твой адрес: авеню Барбе-д'Ореви-
льи², 1, четвертый этаж, квартира слева. *Любому* неизвестно,
что ты живешь одна. Что у тебя нет ни дружка, ни домашне-
го питомца.]

[КТО ТЫ?]

[Скоро узнаешь.]

[Думаешь, я тебя боюсь? Лечи голову, болван! Я позвоню
в полицию. А пока заблокирую тебя. Чао.]

Поначалу она думала, что все уладится. Верила, что так
и будет. Говорила себе: «*Он* остановится. *Ему* надоест. *Он*
отвяжется от меня».

Поначалу она хотела в это верить...

² Авеню названа в честь французского писателя и публициста Жюля Амеде
Барбе д'Оревиля (1808–1889).

Пролог

О! (Джо Тилсон³, масло, холст)

Май 2020 года

Нью-Йорк, 28 мая 2020 года, Манхэттен, около восьми утра: солнце ластится к крышам домов. Отражается в оконном множестве небоскребов, полыхает на широких каньонах авеню, протискивается сквозь листву деревьев в Центральном парке, шарит по витринным окнам офисных зданий и стеклам надземного метро.

Следуя установленным маршрутом, светило в положенный час попадает в Сохо и заглядывает внутрь студии художника в Мидтауне. Выхватывает крупное тело на дубовом полу у кровати со сбитыми простынями. Освещает большие постеры Ганса Гофмана⁴ и Сая Твомбли⁵ на стенах и пса, который скребет когтями паркет и жалобно подвывает рядом с телом.

Она оставила открытой тяжелую металлическую противо-

³ Джозеф Чарльз *Тилсон* (р. 1928) – английский художник, скульптор и гравер, один из основоположников британского поп-арта; «О!» (*Oh!*) – его работа 1975 года.

⁴ *Ганс Гофман* (1880–1966) – американский художник и педагог, сильно повлиявший на абстрактный экспрессионизм.

⁵ *Сай Твомбли* (Эдвин Паркер Твомбли-младший; 1928–2011) – американский художник, фотограф, скульптор-абстракционист.

пожарную дверь и смотрит на место происшествия с порога. Ошеломленная. Насмерть перепуганная. А минуту спустя слышит собственный голос:

– Лео!

Он не отзывается. Она идет к нему через огромную, залитую веселым хулиганистым солнцем комнату, чувствуя, что превращается в ледяную статую. В это невозможно тихое мгновение лежащий на полу человек кажется грандиозно прекрасным.

– Лео!

Нет ответа. Лоррен впадает в панику. Опускается на колени, трясет его, хлопает по щекам. Слезы текут по ее лицу и сверкают бриллиантовыми каплями росы в ярком утреннем свете.

– Лео! Ну пожалуйста! Открой глаза. Скажи хоть что-нибудь. ЛЕО!

Она наклоняется, пытается нащупать пульс, проверяет дыхание. Он жив! Он дышит!

Через двадцать секунд он открывает огромные бледно-серые глаза и обращает на нее тот ясный взгляд, от которого она всегда таяла, пробует улыбнуться. Он бледен как полотно.

– Лоррен... Ты здесь... Не пугайся... Вызывай подкрепление, – очень тихо и нежно говорит он. – Сейчас же, милая...

Он замолкает и теряет сознание, но пока дышит. Лоррен

дрожащей рукой вытаскивает из кармана телефон. Она почти ничего не видит сквозь пелену слез. *Соберись!* 911 удастся набрать только со второго раза. Оператор отвечает, она что-то лепечет, путается в словах. Ровный голос просит ее назвать фамилию и адрес «на случай, если связь вдруг прервется». Она сбивчиво, торопясь, излагает суть дела, ее просят повторить, и она начинает заводиться, спокойствие собеседницы бесит ее. Она делает глубокий вдох и объясняет, что стряслось. Ей велят оставаться на линии – дело явно серьезное.

Он снова открывает глаза, говорит:

– *Take it easy.*

И снова отключается – ровно в 08:30, 28 мая 2020 года, в Нью-Йорке.

Она смотрит, как его увозят на каталке, колесики противно скрипят по полу. На него надели кислородную маску, медики тоже в масках, но в обычных, медицинских. Волосы, показавшиеся ей слишком длинными при их первой встрече, обрамляют его красивое лицо с опущенными веками, и она снова пугается – так, что едва может дышать. Она провожает медиков до лифта, возвращается, закрывает дверь лофта, встретившись взглядом с кокер-спаниелем, печальным, потерянным взглядом собаки, оставшейся без хозяина, и к глазам снова подступают слезы.

Вустер-стрит. Белая с оранжевыми полосками «скорая» Пресвитерианской больницы города Нью-Йорка стоит с распахнутыми дверями. Каталку поднимают, и Лео исчезает внутри улюлюкающей машины. Лоррен поднимается наверх, чтобы собрать кое-какие вещи, пытается сообразить, что ему может понадобиться в больнице, точно зная, что на этот раз он не выкарабкается.

Часть первая

Конвергенция (Джексон Поллок, холст, масло)⁶

1

*Если бывал в Нью-Йорке,
ты знаешь, о чем я говорю.*

The Yardbirds, «New York City Blues»⁷

Пятью месяцами ранее

В понедельник, 9 декабря 2019 года, на Париж обрушился ливень. Она захлопнула крышку чемодана, брошенного на кровать в ее большой и практически пустой квартире на аве-

⁶ «Конвергенция» – картина американского художника Пола Джексона Поллока (1912–1956), одной из ключевых фигур абстрактного экспрессионизма. Композиция создавалась методом капания и заливки краски на холст; линии, пятна, круги передают эмоции художника. Картина была написана во время холодной войны; считается, что она олицетворяет идею свободы слова. Сам термин «конвергенция» означает сближение и приобретение сходных признаков в ходе эволюции у разных организмов, экономик, языков, мифологий и т. д.

⁷ «New York City Blues» («Нью-йоркский блюз») – песня лондонской рок-группы The Yardbirds (1963–1968); впервые вышла как B-сторона сингла «Shapes of Things» (1966).

ню Барбе-д'Оревилли, 1, в двух шагах от Эйфелевой башни.

Она: Лоррен Демарсан, дочь покойного Франсуа-Ксавье Демарсана и Франсуазы Бальсан.

В столице в том декабре все время шел дождь и холод стоял собачий, но Лоррен не было дела до погоды: через два часа она собиралась улететь в Нью-Йорк, в заснеженный город, если не врут синоптики.

Лоррен любила Париж, а Нью-Йорк обожала.

Он был полон энергии, вибрировал от нетерпения, и это делало его уникальным. В Нью-Йорке присутствовало нечто неуловимое – музыкальность, свойственная городу и его жителям, совершенно не похожим на бесконечно близких ей парижан. Француженка по рождению, Лоррен провела первые годы жизни в Большом Яблоке, а потом ее мать решила вернуться во Францию, забрав все имущество, что ей принадлежало, и прихватив дочь. Оказываясь в Нью-Йорке, Лоррен неизменно попадала под власть завораживающей магии этого города и чувствовала, что вернулась домой.

Она натянула джинсы, надела толстый свитер, обмотала шею пушистым серым шарфом и посмотрела на часы. 16:09. Такси приедет через минуту. Лоррен подошла к балкону и последний раз взглянула на Эйфелеву башню, которую атаковал ветер. Буря совсем распоясалась, но Старая Дама плевать хотела на стихию: устремленная в темное парижское небо как вызов быстротекущему времени, она спокойно пережила все эпохи, все кризисы и все шторма.

Лоррен проверила паспорт во внутреннем кармане пальто, испытывая нетерпеливое желание оказаться в салоне авиалайнера и отдаться в заботливые руки бортпроводниц и стюардов. Она выпьет пару бокалов шампанского, посмотрит киношку или сериал, а потом уснет под мягким пушистым пледом, спрятав глаза под маской для сна (ура бизнес-классу компании «Эр Франс»!) на высоте десяти тысяч метров над Атлантическим океаном. Лоррен терзали страхи и хандра. Ей не терпелось убраться из Парижа, хотя в свои тридцать пять она имела все основания радоваться жизни. Карьера на взлете, а назначение в заокеанский филиал открывает новый этап безошибочного прохождения дистанции. Пиар-агентство DB&S – Демарсан, Буржин и Саломе – вручило ей штурвал, продемонстрировав тем самым степень своего доверия. Поль Буржин и Поль-Анри Саломе – два ее компаньона, которых она фамильярно называет «два моих полюса». Так уж повелось с незапамятных времен, хотя друзья отца были старше, опытнее и время от времени слегка раздражали Лоррен излишне покровительственной манерой общения с ней.

И все-таки в Нью-Йорк они отправляют ее! Она свободно владеет английским, знает, как вести себя с этим городом и его жителями. По большому счету парижанка она во вторую очередь...

Лоррен зашла в одну из ванных комнат и достала из аптечки леденец от боли в горле. Вечно одно и то же: важное

событие на пороге – ее организм преобразует психические переживания в соматические ощущения в виде симптомов различных заболеваний. В подростковом возрасте накануне свидания с мальчиком или экзамена у нее обязательно вылезла лихорадка на нижней губе. Лоррен прошла по бесконечному коридору своих апартаментов – шесть спален плюс четыре туалетные комнаты (цена одного квадратного метра – пятнадцать тысяч евро!), – расположенные в одном из самых шикарных и дорогих кварталов в Седьмом округе, которые достались ей в наследство от отца.

Пришла эсэмэска: «Ваше такси G7 ожидает у подъезда...»

Она в последний раз взглянула на экран ноутбука, чтобы проститься с «Дозорным», одной из картин Виктора Чарторыйского. Нет, не с «одной из», а с Картиной. Шедевром американского художника польского происхождения. Вторым период его творчества, так называемый «метафизический реализм», начался в 1970-м и сделал его одним из самых известных американских художников XX века наряду с Поллоком и Уорхолом... Смутный силуэт человека, написанный широкими яростными мазками, черной краской на сером фоне с едва заметными вкраплениями зеленой, желтой кадмиевой и густыми слоями феерической красной.

«Дозорный». Любимое полотно отца. И Лоррен... Она посмотрела на него, возможно, в сотый раз и подумала: «Через несколько часов сокровище станет моим...»

Лоррен протянула руку, чтобы закрыть ноутбук, и тут на

почту пришло сообщение. *Отправитель неизвестен*. Лоррен напряглась, в мозгу прозвучал сигнал тревоги. Рот мгновенно пересох, стало трудно дышать, но она все-таки прочла его:

Езжай куда хочешь, Лоррен.

От меня не скроешься.

На несколько мгновений ее парализовало, но она тут же встряхнулась, захлопнула ноутбук, погасила везде свет и побежала к двери с чемоданом в руке и компьютерной сумкой на плече, заперла квартиру и рванула к лифту. На улице в лицо ей кинулся холодный косой дождь, в момент уничтожив укладку, а болван-таксист припарковался на пересечении авеню Барбе-д'Оревилли и Дешанель⁸. Стоки переполнились, по фасадам домов и асфальту мостовых и тротуаров струилась вода. Квартал опустел, люди, бродячие собаки и уличные коты попрятались кто куда. «Никогда не видела города таким пустым...» – подумала Лоррен, устраиваясь на сиденье черного «мерседеса», и вдруг осознала, что ее трясет. Она подумала, что избежала неведомой опасности, и понадеялась, что неизвестный вряд ли отправится следом за ней в Штаты.

Лоррен хотелось как можно скорее покинуть Францию навсегда. В следующем месяце. Этот визит – подготовка к прыжку на «другой берег», расстояние в шесть тысяч кило-

⁸ Авеню носит имя французского литератора, политика, профессора Коллеж де Франс и пожизненного сенатора Эмиля Дешанеля (1819–1904), отца президента Французской Республики (1920) Поля Дешанеля.

метров лишит неизвестного агрессора возможности портить ей жизнь.

2

Я – король Нью-Йорка.

The Quireboys, «King of New York»⁹

Он покидает Райкерс-Айленд в тот же день. Небо затеяло снегопад, утренняя температура в Нью-Йорке опустилась ниже нуля. Город под хмурым небом сверкает первозданной белизной. Стоит обычный для Большого Яблока декабрь.

Его зовут Лео Ван Меегерен, ему тридцать один год, и в данный конкретный миг истории он наконец освободился.

Райкерс-Айленд, самый большой пенитенциарный комплекс штата Нью-Йорк и второй по размеру в Америке, стоит на одноименном острове (как следует из его названия), окруженном водами пролива Ист-Ривер. Чтобы попасть туда или выбраться оттуда, нужно преодолеть мост длиной тысяча двести восемьдесят метров, что Лео и осуществил на фургоне, сопровождаемом криками чаек и порывами ледяного ветра.

Сзади сильно трясло, но он улыбался, потому что покидал Райкерс, отсидев три года в исправительном центре Оти-

⁹ «*King of New York*» («Король Нью-Йорка») – песня английской хард-рок-группы *The Quireboys* (1984–1993) с их второго альбома «*Bitter Sweet & Twisted*» (1993).

са Бантума. За что его осудили? Лео мог написать картины Писсарро, Ренуара, Ван Гога и Матисса не хуже – если не лучше – самих мэтров. Он был фальсификатором. Раньше. Отбыв три года, он твердо вознамерился спрятать кисти в сундук.

Длинноволосый брюнет Лео Ван Меегерен, одетый в линялые джинсы, черный свитер с высоким горлом и легкую замшевую куртку, больше напоминал художника – каковым, собственно, и являлся, – чем бывшего зэка. Роста в нем было метр восемьдесят пять, весил он восемьдесят кило: семь из них помогла набрать тюремная «качалка». Походка как у дикого кота, чуть развинченная, нарочито неторопливая, неизменно привлекала к нему внимание окружающих – как и пристально-мечтательный взгляд огромных серых глаз. Взгляд охотника – или художника, это уж как кому покажется.

Три года в Райкерс привнесли в характер Лео черты хищного зверя. Тюремная жизнь была насквозь пропитана агрессией, заключенные враждовали с охранниками и между собой, садизм, сексуальные правонарушения, подпольная торговля всем чем можно и нельзя, прилюдный шмон с раздеванием догола были обычным делом в бетонных джунглях. Здесь имелись госпиталь, часовня, бейсбольные площадки, электростанция, беговой стадион и две булочные, но дух насилия превращал Райкерс в одну из самых страшных тюрем США. 22 июня 2017 года мэр Нью-Йорка объявил о намере-

нии закрыть ее в течение десяти лет.

Лео – слава всем богам, здешним и нездешним! – оставил роковое заведение за спиной и теперь сидел, прислонясь к вибрирующему борту, и незаметно поглядывал на своих спутников. В этот день освободили семерых. Семь историй, семь траекторий, семь лиц, возбужденных или потухших. Водитель сбросил скорость, машина остановилась, и двери открылись, впустив в кабину отражение сверкающей, слепящей белизны снега.

– Эй, вы там, на выход!

Люди моргали, переглядывались, не понимая, что происходит.

– Шевелитесь! Мы не собираемся из-за вас морозить задницы!

– Черт, не верю, не может быть... – просипел кто-то.

Молодой парень, лет двадцати от силы, плакал горячими слезами, самый старший, семидесятилетний, не мог подняться на ноги. Лео положил руку ему на плечо:

– Прибыли, Чарли, идем...

Тот взглянул на него с таким изумлением, что Лео вдруг понял: «Да ему страшно! Он боится свободы. Боится пустоты дней на воле!» – и вспомнил слова из песни группы U2: «Свобода в Нью-Йорке – это слишком широкий выбор...»

Он сразу замерз в куртке на рыбьем меху, холодрыга стояла жуткая, мокрый тяжелый снег падал на асфальт, кружился над линией надземки. Лео окинул взглядом тюремный

фургон, пристроившийся недалеко от станции нью-йоркского метрополитена «Бульвар Астория – Дитмарс», что в Куинсе, и вдруг вспомнил: в вещах, которые ему вернули на выходе, была карточка для проезда. Интересно, она еще действительна? Миленский вопросик, такой только бывшему заключенному может прийти в голову.

В тряском вагоне, уносившем его на юго-запад, к острову Манхэттен, он сощурил зоркие глаза мечтательного хищника, ошеломленного ярким светом и толпой чужих людей.

Лео стоял, прислонясь лбом к стеклу, и любовался низкими домами с плоскими крышами под восходящим солнцем, и заснеженными улицами, и автомобилями, медленно, но упорнодвигающимися вперед по своим делам.

Пока поезд не нырнул в тоннель, он вслушивался в лязгающий голос метро, казавшийся ему музыкой после осточертевшего шума тюрьмы.

Двадцать семь минут спустя он вышел на станции «Принс-стрит», поднялся на перекресток Бродвея и Восьмой улицы и пошел по скользким тротуарам мимо сугробов. Редкие прохожие ежились от холода, а Лео чувствовал себя неслыханно, чудовищно счастливым и никуда не торопился, наплевав на ледяной, пробиравший до костей ветер. Он узнавал каждую улицу, каждый перекресток, каждое здание и витрину, хотя за три года на месте прежних появилось много новых магазинов.

Это был его квартал с улицами, мощенными камнем, ре-

сторанами, дорогими бутиками и чугунными домами, низкими домами, построенными сто лет назад и превращенными в дорожные лофты для богемы¹⁰.

Он почувствовал, что замерзает, и ускорил шаг, поднимаясь по Вустер-стрит, обогнул фургон, из которого молодые парни выгружали что-то прямо на снег, и остановился перед шестиэтажным кирпичным домом с велосипедом у крыльца, высокими окнами и зигзагом металлической пожарной лестницы на фасаде.

За три года заключения он плакал дважды – все мужчины льют слезы в тюрьме, – оба раза среди ночи, в темноте, бесшумно, чтобы не разбудить соседа по камере. В эти моменты ему казалось, что тюрьма уподобилась сказочному чудищу, проглотила его и уж точно не отдаст назад.

Снежный заряд шевелил его волосы, небо хмурилось, но он не плакал. Взгляд серых глаз ощупывал каждую деталь фасада, как будто он решил запечатлеть его на холсте в реалистичной манере Чарльза Шилера или Эдварда Хоппера¹¹.

¹⁰ Нью-йоркский район Сохо с середины XX века был популярен среди творческих людей – в частности, художников, ценивших недорогие студии в переоборудованных промышленных зданиях с большими площадями и огромными окнами. Помимо этого, Сохо известен своей чугунной архитектурой второй половины XIX века, когда строительные каркасы и декор зданий из чугуна считались перспективным решением: они изготавливались серийно, обеспечивали разнообразие стилей, были дешевы, прочны, долговечны и, предположительно, огнеупорны.

¹¹ *Чарльз Шилер* (1883–1965) – американский художник-реалист, фотограф, представитель прецизионизма (сложившееся под влиянием кубизма и футуризма раннее модернистское направление в американской живописи 1920-х – нача-

И все-таки он был растроган. Чертовски, до глубины души взволнован.

Потому что вернулся домой.

Он не заметил слезки, не обратил внимания на мужчину с длинным худым лицом, словно бы состоявшим из одного только профиля. Наблюдатель стоял метрах в двадцати от дома, курил сигарету, зажатую в уголке рта, и время от времени щурился от дыма.

ла 1930-х годов, изображавшее четкие, геометрически выверенные урбанистические пейзажи; по некоторым версиям, Шилер и был автором термина). *Эдвард Хоппер* (1882–1967) – американский живописец, акварелист и гравер, представитель американской жанровой живописи.

3

*Верните его в Нью-Йорк,
И все мы поверим в чудеса!*

Herman Düne, «Take Him Back to New York City»¹²

Лофт остался прежним: те же афиши Ганса Гофмана и Сая Твомбли на кирпичных стенах, тот же дубовый пол, те же кожаные клубные кресла, та же кровать, те же ковры, тот же велосипед «Кэннодейл» в углу и разноцветные безделушки, расставленные по всему огромному открытому пространству.

У него увлажнились глаза, когда он, закрыв противопожарную дверь, шагнул в тихую светлую комнату и мысленно сравнил ее со своим временным пристанищем в Райкерс. Лофт был необъятно пуст и немислимо тих, свет попадал в помещение через три выходящих на восток окна и ничем не напоминал то мертвенно-холодное свечение, что с трудом протискивалось через сдвигаемые решетки.

Он снял куртку и подошел к длинному, на все три окна, подоконнику, занятому книгами, художественными жур-

¹² «Take Him Back to New York City» («Верните его в Нью-Йорк») – песня шведско-французской фолк-рок-группы *Herman Düne* (с 1999) с их восьмого альбома «Giant» (2006).

налами и пожелтевшими за три года каталогами. «Регтайм» Доктороу, «Странники» Ричарда Прайса, «Человек-невидимка» Ральфа Эллисона¹³. Его любимые романы. Все три о Нью-Йорке. *Его* городе.

Жить он всегда хотел только здесь, хотя много путешествовал, особенно по Европе. Получив диплом Национальной школы изящных искусств, без гроша в кармане объехал Италию, Испанию, Францию, Фландрию, Амстердам, Лондон, Вену... Посещал музеи, много музеев: Эрмитаж, Европейские Национальные галереи, музеи Ватикана, Лувр, Прадо, Венецианскую академию изящных искусств и Скуола Гранде ди Сан-Рокко¹⁴, венский Музей истории искусств... В тюрьме он по ночам закрывал глаза и как наяву видел полотна любимых мастеров: Боннара¹⁵, Рембрандта, Тициана, Гойи, Чарторыйского... Они устраивали оргии у него в голове, пировали, пока застенки не возвращал его к реальности.

¹³ «Регтайм» (*Ragtime*, 1975) – роман американского писателя Эдгара Лоуренса Доктороу о джазе и людях джаза. Ричард Прайс (р. 1949) – американский романист и сценарист; его роман «Странники» (*The Wanderers*) о жителях Бронкса в 1962–1963 годах был издан в 1974 году. Ральф Уолдо Эллисон (1914–1994) – афроамериканский писатель, литературовед, критик, эссеист, лауреат Национальной книжной премии 1953 года за свой роман «Человек-невидимка» (1952).

¹⁴ Скуола Гранде ди Сан-Рокко (Большая школа Сан-Рокко) в Венеции – одна из благотворительных венецианских школ, построенная по проектам известных архитекторов Бартоломео Бона, Санте Ломбардо и Скарпанино; зал первого этажа расписан Тинторетто, в скуоле размещены картины Джорджоне, Тициана и т. д.

¹⁵ Пьер Боннар (1867–1947) – французский живописец и график, постимпрессионист, величайший колорист XX века.

В помещении не было ни пылинки, как будто время остановилось в тот день, когда его посадили: он знал, что раз в месяц уборщица наводила тут порядок, а сестра регулярно проветривала лофт.

Он положил ладонь на батарею. Теплая... Поставил на максимум, чтобы защититься от холода и ветра, которые спеленали город, и отправился на кухню, где кто-то оставил включенной итальянскую кофеварку-эспрессо, достал из шкафчика кофе, понюхал пакет и засыпал зерна в кофемолку. Запах, забытый за три года, был божественным. Вода не была перекрыта, а вот холодильник оказался не только девственно-чистым, но и пустым.

Лео включил стереосистему, разделся и встал под душ в ванной, отделенной от лофта стеклянной перегородкой. Рэй Чарльз запел «What'd I Say»¹⁶. Эта и несколько других песен позволили ему продержаться в Райкерс. Трубы загудели, потекла горячая вода, и он закрыл глаза, застонав от удовольствия, но вдруг насторожился и кинул беспокойный взгляд через плечо. Никого. Конечно...

Ты уже не в тюрьме, парень, расслабься: тут безопасно.

«Я сказал, что чувствую себя хорошо, детка», – рявкнул за стенкой Рэй Чарльз, решив подбодрить хозяина здешних мест.

¹⁶ «What'd I Say» («Что я сказал такого?») – песня Рэя Чарльза (1930–2004), американского пианиста, композитора, звезды соула и ритм-энд-блюза, выпущенная им синглом в 1959 году; один из первых примеров соула как жанра.

Мягкие и пушистые банные полотенца нашлись в ящике; он насухо вытерся, посмотрел на свое отражение в зеркале и отметил бледный цвет лица, красные, как у всех, кто редко видит свет дня, глаза и несколько новых морщин.

Лео обвязался полотенцем и вернулся на кухню, чтобы насладиться кофе. Элтон Джон предупреждал: *I'm still Standing* – «Я все еще держусь». *Тем лучше для тебя, дружище*, – подумал он, – *тем лучше для тебя: я, кстати, тоже*. Лео улыбнулся и сделал несколько танцевальных па, охваченный диким, пьянящим восторгом.

Черт, до чего же хорошо быть свободным...

Мгновение спустя он застыл перед чистыми холстами, тюбиками краски, разбросанными по неструганому верстаку, полным арсеналом кистей в глиняных кувшинах... *Он не прикасался к ним три года...* Какие картины породит его заключение? Его снедало желание писать днем и ночью, без усталости, до изнеможения, но сначала нужно было нанести один визит.

В шкафу нашлась кожаная куртка с воротником из искусственного меха, намного теплее его замшевой. Свитер из толстой шерсти, джинсы и белье. Пять минут спустя он окунулся в холод Манхэттена, сделал глубокий вдох и словно хлебнул крепкого алкоголя. Ему надо очень быстро урегулировать свои дела с банком, а пока придется довольствоваться несколькими мелкими банкнотами, полученными на выходе

из Райкерс. Лео сунул руки в карманы и с легким сердцем зашагал к метро по Вустер-стрит. Ему было весело, несмотря на колючий ветер и грязную снежную жижу под ногами, и он только что не подпрыгивал от удовольствия. Свобода!

На углу Восточной Семьдесят третьей улицы и Лексингтон-авеню находится *Kitty's Fine Wines*, шикарный винный подвальчик, знакомый всем ценителям изысканных вин. Лео толкнул стеклянную дверь, звякнул колокольчик, он стряхнул снег с воротника и огляделся.

Заведение не изменилось: стены, обшитые панелями из красного дерева, бочки, навевающие мысли о винных заведениях Бургундии и Тосканы, зеркала, создающие иллюзию простора. Хозяйка здешних мест в фартуке винодела, завязанном вокруг талии, вела с клиентом разговор на повышенных тонах.

Лео изобразил интерес к дешевым калифорнийским, чилийским и новозеландским винам, к запредельно дорогим французским, к крепкому виски из Тайваня и бутылке водки *Grey Goose* за восемьсот пятнадцать долларов, в фирменном футляре от *Chopard*: судя по всему, клиенты, живущие в окрестностях, за три года его отсутствия не обеднели.

Он с мечтательным выражением лица любовался запечатым в витрине элегантным *Petrus* 1988 года, по три тысячи двести долларов за бутылку¹⁷, когда молодая рыжеволосая

¹⁷ *Petrus* 1988 года – одно из редчайших и самых дорогих вин в мире, облада-

женщина закончила разговор и быстрым шагом направилась к нему, прихватив по пути бутылку калифорнийского вина.

– Французское обходится слишком дорого из-за акцизов, – сообщила она, оказавшись рядом с Лео. – Могу предложить вот это, если хотите. Обойдется дешевле. *Petrus* вам в любом случае не по карману.

– С чего вы взяли? – оскорбился он. – Я предпочитаю французские вина – сколько бы они ни стоили... Французам нет равных в двух вещах: вине и живописи.

– Да что вы?! – съязвила рыжая. – Не будь таким снобом, Лео Ван Меегерен! А как же «Конвергенция»?

– Лично я не променяю одного-единственного Ренуара на всех Поллоков мира.

– Врешь, братец, – улыбнулась она. – Ты всегда считал Поллока и Чарторийского полубогами.

С этими словами Китти бросилась в объятия брата, прижалась к нему, щекоча шелковистыми волосами шею, и он почувствовал биение ее сердца. Она расплакалась и никак не могла успокоиться.

– Господи, как же хорошо видеть тебя наяву! – пролепетала она, вытирая лицо фартуком. – Мог бы сообщить, что выходишь, мерзавец ты этакий!

Лео пожал плечами:

– Сама знаешь, как это делается, я сам узнал только вчера.

– Все равно должен был позвонить!

– Хотел сделать тебе сюрприз...

Китти расплывается в улыбке, поднимает на брата огромные заплаканные глаза. Волосы у нее рыжие, у Лео – темно-каштановые, но глаза у обоих серые, и веснушки украшают нос, щеки и даже губы.

– Не понимаю, как можно выглядеть еще более тощим и одновременно окрепшим... Ты в хорошей форме.

– В тюрьме только и остается, что качаться, – объясняет он.

– Да уж, классные бицепсы, – подтверждает Китти, пощупав руки брата через куртку. – Заходил в лофт?

– Спасибо, что присмотрела. Все на месте.

Китти лукаво морщит нос:

– Не забыл, что переписал его на меня?

Лео довольно хмыкает. Да, они тогда вовремя провернули эту операцию и спасли лофт от когтей правосудия. Китти посмотрела на часы, схватила брата за локоть и потащила к двери:

– Давай пообедаем. Я закрою магазин. Повешу табличку: «Исключительное событие! Закрыто по случаю выхода из тюрьмы!» Хорошая идея? Не каждый день моего младшего брата выпускают из застенка...

– А меня можете обслужить? – поинтересовался клиент, стоявший в трех метрах от них.

– Могу, но не буду, – отрезала Китти, надвинувшись на

нахала. – Магазин закрыт!

– Как это закрыт? Что значит закрыт?! На двери написано: «Открыто с 9:00 до 18:00»!

– Случился пожар, – очень серьезно сообщила Китти. – Мы эвакуируемся...

– Пожар? Где? Почему нет пожарных?

– Они едут...

– Не вешайте мне лапшу на уши! Я даже дыма не вижу, не то что огня!

– Вы не чувствуете запаха дыма?

– Ни черта я не чувствую!

– Сходите к отоларингологу.

С этими словами Китти выставила мужчину за дверь.

Он все шел и шел. Не останавливался много часов. Пил вино обретенной свободы, пропитывался атмосферой Рождества. Подняв воротник, держа руки в карманах, он брел куда глаза глядят, спускался в метро, выходил на улицу, терялся, возвращался назад, а с наступлением темноты ноги сами вынесли его на Таймс-сквер. Здесь обитала душа Нью-Йорка. Здесь находился источник его жизненной силы и блистательного безумства.

Туристы и зеваки толпились перед огромными рекламными экранами, разгонявшими темноту, забыв о холоде и снеге. На тротуарах пузатые Санта-Клаусы звонили в колокольчики, зеваки делали селфи. Толпа обтекала Лео, он начал

уехать от неугасающего возбуждения и решил взять такси. Остановилась третья по счету машина, знаменитое желтое такси Большого Яблока, Лео назвал адрес, и водитель в тюрбане по имени Джагмит Сингх (так было написано на карточке, висевшей над приборной доской) стартовал как ракета и буквально ввинтил свой «ниссан» в плотный поток уличного движения.

Через четверть часа таксист высадил его на пустынной Вустер-стрит у подъезда дома.

– Вы приехать! – радостно сообщил сикх.

– Спасибо, Джагмит... – Лео протянул ему деньги. – Вы всегда так водите?

– Как – так?

– Ну... довольно... быстро.

Водитель обернулся, скорчил забавную рожу и гордо улыбнулся в черную бороду:

– Быстро? Вы ошибаться... Это было не быстро, медленно.

– *Медленно?*

Таксист энергично закивал, Лео еще раз поблагодарил, открыл дверцу и нырнул в метель. Он обожал свой город, перемешавший народы, культуры, языки и судьбы, великие и заурядные. Нью-Йорк всегда был и остается городом-вселенной. Он покинул машину в 22:30, она рванула прочь, как болид «Формулы-1», и исчезла в ночи, а он глядел ей вслед и чувствовал, что вернулся.

А вот наблюдателя с лицом узким, как бритва, который сидел в машине с погашенными огнями, не заметил.

4

Другое место, другой поезд.

Beastie Boys, «No Sleep Till Brooklyn»¹⁸

Таксист высадил ее у «Плазы», на Пятой авеню, 768, на юго-восточном углу Центрального парка, в 20:53 по нью-йоркскому времени, в день вылета из Парижа: Лоррен «перепрыгнула» в другой часовой пояс, и к ее рабочему дню добавилось еще шесть часов.

Она сидела на заднем сиденье, спрятав лицо в воротник белого пальто, и через запотевшее стекло заново открывала для себя город. Лоррен в момент вернулась в зимы своего детства, когда шестилеткой лепила здесь снеговика с отцом и очередной «мамой», то ли второй, то ли третьей по счету. Она вспомнила, как стояла босиком, в бумазейной пижамке, у окна своей холодной детской и любовалась волшебными пушистыми снежинками, падавшими с неба на Восточной Семьдесят третьей улице.

Детство Лоррен было одиноким, няньки были ей ближе родителей, много долгих и скучных часов прошли в коридо-

¹⁸ «No Sleep Till Brooklyn» («Не спать до Бруклина») – песня нью-йоркской рэп-рок-группы *Beastie Boys* (1979–2012) с их дебютного альбома «Licensed to Ill» (1986).

рах и пустых комнатах особняка, слишком большого и слишком безмолвного для девочки ее возраста. Компанию Лоррен составляли куклы, плюшевые любимцы и книги. В это трудно поверить, но всякий раз, возвращаясь в Нью-Йорк, она вспоминала одно и то же; вот и сейчас, в желтой машине, едва не задохнулась под лавиной чувств. Лоррен точно знала, что одиночество стало ее неотвязным спутником в раннем возрасте, и боялась, что не избавится от него в будущем.

И все-таки, ступив на тротуар, она испытала детскую радость, окунувшись в атмосферу царившего повсюду праздника. Разве может какой-нибудь город соперничать с Нью-Йорком? Час был поздний, но к «Плазе» возвращались после экскурсии последние коляски с пассажирами, укутанными в теплые пледы. Новогодние украшения и фонари блестя-сверкали, отражаясь от снега на тротуарах. Обстановка была неопиcуемая – как обычно в это время года.

Но завтра утром, на рассвете, колеса автомобилей превратят белое великолепие в жидкое грязное месиво, струи дыма из выхлопных труб отравят воздух, зазвучат пронзительные гудки клаксонов. И это тоже будет Нью-Йорк.

Лоррен подняла глаза на высокий фасад «Плазы», увенчанный угловой башенкой, словно бы шагнувшей с экрана фильма Джорджа Кьюкора¹⁹. Носильщик взял ее чемодан и

¹⁹ *Джордж Дьюи Кьюкор* (1899–1983) – американский кинорежиссер и продюсер, работавший в основном над комедиями и экранизациями. Башенка на «Плазе» фигурирует в его фильме «Ромео и Джульетта» (*Romeo and Juliet*, 1936).

провел в лобби, где стояла высокая сосна, украшенная тяжелыми гирляндами. Здесь останавливались Фрэнсис Скотт Фицджеральд с женой Зельдой и Майлз Дэвис²⁰, здесь снимали сцены из «Смерть идет по пятам», «Клан Сопрано» и «Мама, я снова опоздал на самолет»!²¹ Два Поля сделали чудесный подарок, зарезервировав номер в легендарном отеле. Так ей давали понять, что отныне она – *босс* со всеми полномочиями и... гигантской ответственностью на плечах. Эта мысль вызвала изжогу, но Лоррен сглотнула ее и бодрым шагом подошла к стойке портье.

Через десять минут она закрыла за собой дверь номера на шестом этаже с видом на парк. Кремовые стены, изголовье кровати с барочной позолотой, корзинка фруктов на мраморной столешнице комода – в этом декоре было своеобразное старомодное обаяние, отсылавшее к тем временам, когда Нью-Йорк еще был самой большой и самой знаменитой метрополией в мире.

Лоррен подошла к окну и раздвинула тяжелые портьеры. Центральный парк спал в декабрьской ночи, укутавшись белой шалью. Она подумала о тех, кто обречен оставаться на улице. «Богатые не имеют права грустить!» Она рассердилась, хотя мысль была идиотская, и вспомнила, что в детстве

²⁰ *Майлз Дэвис* (1926–1991) – американский джазовый трубач и бэнд-лидер, одна из ключевых фигур всей музыки XX века.

²¹ «*Мама, я снова опоздал на самолет*» – французское прокатное название комедии Криса Коламбуса «Один дома-2: Затерянные в Нью-Йорке» (*Home Alone 2: Lost in New York*, 1992).

отец часто повторял ей, что начинал с нуля, что ничего никому не должен, что рос с пятью братьями и сестрами в жалкой сырой квартире, в доме недалеко от Пер-Лашез, в проезде Фоли-Реньо в Одиннадцатом округе Парижа. Он утверждал, что никогда не был счастливее... Даже став одним из именитейших галеристов Манхэттена, которого в узком кругу звали просто Французом, обожавшим женщин и коллекционировавшим не только картины, но и любовниц.

Лоррен положила чемодан на кровать, открыла его и достала три книги, которые прихватила в последний момент: «Дерево растет в Бруклине» Бетти Смит, «Джаз» Тони Моррисон и «Гламораму» Брета Истона Эллиса²². Все они были о Нью-Йорке, о чем же еще... Лоррен развесила вещи и пошла в ванную, где все краны были покрыты 24-каратным золотом. В прошлый раз Лоррен жила в Чайна-тауне на Генри-стрит, в невзрачной гостиничке над китайским рестораном.

Лоррен пустила воду и вернулась в комнату, взяла из ми-

²² Полуавтобиографический роман «Дерево растет в Бруклине» (*A Tree Grows in Brooklyn*, 1943) американской писательницы Бетти Смит (Элизабет Лилян Венер; 1896–1972) был бестселлером и стал литературной основой для кинорежиссерского дебюта Элиа Казана. «Джаз» (*Jazz*, 1992) – исторический роман американской писательницы Тони Моррисон (Хлои Арделия Уофффорд; 1931–2019), лауреата Пулицеровской (1988, за роман «Возлюбленная») и Нобелевской (1993) премий; это вторая часть трилогии «Возлюбленная», и действие в ней разворачивается в основном в Гарлеме 1920-х. «Гламорама» (*Glamorama*, 1998) – роман американского писателя Брета Истона Эллиса (р. 1964), сатира на 1990-е, их культ знаменитостей и консюмеризм.

ни-бара бутылку воды и приняла таблетку: как это часто случалось после перелетов, у нее разыгралась мигрень. Она устроилась на кровати, включила ноутбук и открыла почту, где обнаружился каталог завтрашних торгов аукционного дома *Laurie's* с главным лотом, «Дозорный». Еще два полотна Чарторыйского первого периода его творчества тоже были хороши, но несравнимы с ее любимым шедевром. Лоррен вздохнула, нехотя оторвалась от созерцания любимой картины, взяла телефон и нашла в «Контактах» нужный номер.

– Как долетела? – спросил Поль-Анри Саломе своим неповторимым замогильным баритоном.

Она быстро подсчитала, что в Париже уже три утра, и благословила крестного за привычку поздно ложиться. Ее наставник сидит сейчас в своей квартире в Шестнадцатом округе, среди любимых полотен, наслаждается сигарой «Коиба»²³ и «Наполеоном» многолетней выдержки, коротая долгую одинокую ночь.

– Ты на видеосвязи? – спросила она.

– Как всегда, дорогая.

Лоррен улыбнулась и послала вызов, в следующую секунду на экране появился Поль-Анри. Он сидел на оттоманке, в шелковых подушках, одетый в роскошный халат. На лице, обрамленном серебристо-седой гривой волос, сверкали ме-

²³ Сигары «Коиба» (*Cohiba*) – одна из самых молодых (с 1966) марок кубинских сигар, изначально предназначалась для Фиделя и Рауля Кастро, высокопоставленных кубинских чиновников и посещающих Кубу глав других государств.

таллическим блеском голубые глаза. В свои семьдесят этот человек не утратил ни капли величественной красоты. Лучший друг отца Лоррен через двадцать лет после его смерти взял девушку на работу в агентство DB&S и стал ее учителем и духовным наставником. К нему и только к нему она обращалась за советами и в большинстве случаев следовала им.

– Все хорошо? – спросил он.

– Нервничаю... слегка... – призналась Лоррен.

– Ну а как же? Ты начинаешь большое дело, и все мы на тебя рассчитываем. Судьба нью-йоркского филиала в твоих руках, ты это осознаешь и волнуешься, что вполне естественно, но поставленные задачи не должны ввергать тебя в ступор.

– Я понимаю, но пойми и ты меня! До сих пор я была номером три, а теперь оказалась на передовой и отвечаю за все.

– Именно этого ты и хотела, разве нет? Хватит задаваться вопросом: «Смогу ли я управлять Нью-Йорком?» – ты готова, Лоррен. В той мере, в которой человек вообще может быть к чему-то готов.

– Есть еще кое-что...

В глазах под тяжелыми веками сверкнуло любопытство.

– «Дозорный»?

Она кивнула.

– Твой отец с ума сходил по этой картине.

Лоррен было семь лет, когда отец впервые выставил

Чарторыйского в своей галерее в Мидтауне, и у нее об этом событии никаких воспоминаний не сохранилось. В том же году его убили перед галереей: неизвестный три раза выстрелил ему в грудь. Возможно, ее почти патологическая завороженность шедевром проистекала из совпадения двух этих событий.

«Двадцать восемь лет прошло. Вечность. Может, хватит? Брось уже свой грошовый психоанализ».

– Плохо, что ты далеко и не подстрахуешь меня, – говорит она, тут же пожалев о сорвавшихся словах.

– Безобразие, что ты так себя недооцениваешь! – Поль-Анри сердится, меняет позу, скрестив пухлые голые икры. – Ты почти тридцать лет выросла без отца и до сих пор неплохо справлялась. Мать тоже не была тебе опорой... Ты сделала себя сама, Лоррен, – как когда-то твой отец. Тебе никто не нужен, уж поверь мне.

– Ему не пришлось справляться с наследством в пятнадцать миллионов! – бросает Лоррен. – Ладно, оставляю тебя в покое, Париж видит уже пятый сон.

Поль-Анри бросает на крестницу загадочный взгляд, лишенный привычной опасной пронизательности, и говорит:

– Тебе прекрасно известно, детка, что ночью я сплю не больше трех часов. Я люблю это время суток. Оно располагает к философствованию, возвращает человека к себе, погружает его в меланхолию, будит самых странных демонов – тех, кого днем мы загоняем в дальний угол сознания.

Он затягивается сигарой, медленно раскручивает в бокале ароматную красновато-коричневую, с золотистым отливом, жидкость, потом выпускает в потолок струю серого дыма. Вокруг него царит полумрак, колышутся тени. Лоррен ежится.

– Завтра ты должна быть в форме, отдохай, спокойной ночи, милая.

– Спокойной ночи, крестный.

Лоррен почувствовала странную смесь успокоенности и тревоги – так бывало всегда после полуночных разговоров с Саломе. Он был с ней с раннего детства, но она до сих пор не разгадала его до конца. Поль-Анри относился к ней как к родной дочери: когда ей было десять, они вместе играли, в двадцать она рассказывала, как обстоят дела с учебой, а в двадцать восемь стала компаньоном DB&S, внося в уставной капитал существенную долю отцовского наследства.

Поль-Анри Саломе оставался вещью в себе, и никто не владел ключом к этому сейфу.

Она закончила разговор – и получила новое сообщение. Номер был незнакомый, и у Лоррен участился пульс, сердце тревожно бұхало в груди. Она прочла – раз, другой, – и каждое слово отпечаталось в ее мозгу огненными буквами:

Ты не скроешься от меня, Лоррен. Даже в Нью-Йорке.

5

*Повсюду в этом городе —
от ресторанов до забегаловок —
не расслабляйся, иначе
он съест тебя живьем.*

AC/DC, «Safe in New York City»²⁴

Они разбудили его той же ночью, около двух часов, а он так крепко спал, что ничего не услышал, не почувствовал, хотя за три года в Райкерс научился быть настороже всегда. Видимо, мозг неправильно идентифицировал металлическое поскрипывание в замке как звуки улицы.

Его потрясли за плечо, он открыл глаза и в то же мгновение оказался на полу.

Дальнейшее происходило с невероятной, потрясающей воображение скоростью. Кто-то тащил его за ноги, он отбивался, извивался, вырывался и рычал, как раненый лев. Пижамные брюки съехали до щиколоток, и свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, оставлял на его ягодицах и гениталиях полосы, как на шкуре зебры. Один из бандитов нанес удар ногой, как футболист, пробивающий пенальти, и Лео задох-

²⁴ «Safe in New York City» («Безопасность в Нью-Йорке») – сингл австралийской рок-группы AC/DC (с 1973) с их четырнадцатого альбома «Stiff Upper Lip» (2000).

нулся от острой боли в промежности; его начали пинать по ребрам, рукам, животу...

Он почти ослеп от ярости и боли, но все-таки ухитрился схватить одного обидчика за лодыжку (их было трое) и повалил его, другому заехал по колену так резко и неожиданно, что почти выбил коленную чашечку. Негодяй рухнул с диким воплем, но первый уже вскочил на ноги, и третий, наблюдавший со стороны, решил вмешаться. Их взбесило сопротивление, они удвоили силы, удар кулаком по скуле едва не лишил его сознания. Лео молотили руками и ногами, он свернулся в клубок, пытаясь защитить голову согнутыми руками, и не шевелился, пока град ударов не прекратился – внезапно, как летняя гроза.

Главарь наклонился над Лео, и тот сумел различить бледно-желтое, как у трупа, лицо с острым подбородком, длинным и тонким, как лезвие ножа, носом над малюсеньким ртом с гнилыми зубами, большими хитрыми, алчно сверкающими глазами навывкате под огромным выпуклым лбом. В основном он напоминал вампира из немого фильма или скульптуру Джакометти, но гораздо более зловещую. Возраст Лео определить не смог, а когда тот заговорил – нет, зашептал, – у него от страха заледенела кровь.

– Мистер Ройс Партридж Третий передает тебе привет. Помнишь его? Ты втюхал ему фальшивого Модильяни – вместо подлинника. Всего-то за миллион долларов, между прочим... Буду с тобой честен: я не отличу настоящего Пи-

кассо от поддельного, и мне на это плевать. Но патрон чуть не рехнулся, когда узнал, что лучшая картинка его коллекции – ненастоящая. Теперь он, само собой, желает получить назад свои бабки, ясное дело, с процентами: два миллиона... У тебя две недели. Не заплатишь – мы вернемся и отрежем по одному все пальцы твоей правой руки. Ты же правша, так? Рисовать вряд ли сможешь... Две недели, два миллиона: запомнить легко, мы всё тебе разжевали, парень, глотай!

Один из его сообщников, громила размером с зеркальный гардероб, был в больших белых наушниках, из которых доносилась стрекочущая музыка. Он почти равнодушно нанес Лео удар «на прощание», как будто выполнял обязательную, но неинтересную работу.

6

Но я не чувствую боли.

Fun Lovin' Criminals, «Ballad of NYC»²⁵

– Вам бы стоило обратиться к врачу... – сказал аптекарь.

– Знаю.

– Покажитесь специалисту.

– Конечно.

– Десять пятьдесят.

Лео расплатился.

Его разбудил свет, заливавший лофт. Он проспал всего два часа, потом боль напомнила о себе, и пришлось разлепить веки. Лео чувствовал себя святым Себастьяном, пронзенным стрелами, с полотна работы Беллини или Мантеньи. Белье на постели покрывали пятна крови разнообразнейших размеров, похожих на дриппинг Поллока, *красное на белом, истинный шедевр*... Малейшее движение вызывало нестерпимую боль.

В конце концов он сумел подняться на ноги, и все стало еще хуже. *Похоже, сегодня на меня напал сумоист и всю*

²⁵ «Ballad of NYC» («Баллада о Нью-Йорке») – песня нью-йоркской альтернативной рок-, хип-хоп- и рэп-группы *Fun Lovin' Criminals* с их пятого альбома «Livin' in the City» (2005).

ночь прыгал по спине двумя ногами. Под душем горячая вода и мыло на мгновение облегчили страдания. Вот именно, на мгновение. Лео посмотрел в зеркало: правая скула стала вдвое больше левой, правый глаз наполовину заплыл, все тело было в синяках и гематомах, на левом указательном пальце недоставало ногтя.

– Налейте мне стакан воды? – попросил он провизора.

– Что-что?

– Стакан воды...

Тот вздохнул, отошел от прилавка и вернулся с прозрачным пластиковым стаканчиком.

– По одной таблетке не больше шести раз в день, – предупредил он. – Это сильное средство.

– Угум...

На глазах у ошеломленного аптекаря Лео проглотил сразу две таблетки, поблагодарил и вышел.

«Два миллиона долларов, – думал он. – Два миллиона не позже чем через две недели...» Невозможно. Он гол как сокол, чудом удалось сохранить сто штук, спрятав их на мебельном складе на Южной улице у Ист-Ривер, снятом за двести пятьдесят долларов в месяц, но два миллиона... Такую сумму собрать невозможно.

Кроме того, нужно решить проблему собственной безопасности. В полицию обращаться нельзя: он бывший заключенный, только что выпущенный из тюрьмы, то есть неприкасаемый в кастовой системе нью-йоркских копов. А

Ройс Партридж III – «брамин». Слово Лео легче плевка в сравнении со словом наследника одного из самых знатных семейств этого города. Лео даже оружие купить не может с такой «биографией»!

Он втянул голову в плечи и ускорил шаг, дрожа от холода и ужасной мысли о возвращении ночных «гостей». Подобная перспектива напугала бы любого, даже человека, который три года мотал срок в Райкерс. Лео вспомнил жестокое действие прошлой ночи и вдруг нашел решение – радикальное и одновременно радующее душу.

Место под названием «Убежище» на Центральной улице, между Маленькой Италией и Чайна-тауном. У молодого человека за стойкой было длинное, как морда борзой, лицо и по-собачьи добрые глаза за стеклами очков.

– Что именно вы ищете?

– Собаку.

– Какой породы?

– Любой.

Собеседник Лео почесал затылок:

– Объясните, какой пес вам нужен?

– Лающий...

Взгляд парня выражал задумчивость, но он с трудом удерживался от хохота.

– Вообще-то, все собаки лают...

– Немых не бывает? – Лео улыбнулся.

– Я таких не встречал, – ответил очкарик и подумал с долей уныния, что здоровенный тип с его животной повадкой, олимпийским спокойствием и красивой, хоть и здорово помятой, рожей относится именно к тому типу мужиков, о которых грезит его подружка...

Он протянул через стойку бланк с надписью: «Заявление об усыновлении собаки, *meet your match*»²⁶, – и Лео вписал свою фамилию, дату, адрес, номер телефона, потом ответил на вопросы. «У вас когда-нибудь была собака? – Нет». «Моя собака будет в основном находиться в: – В помещении». «Когда я дома, хочу, чтобы моя собака была рядом: 1) все время, 2) много времени, 3) мало времени». «Мне нужна сторожевая собака. – Да». «Хочу, чтобы моя собака охраняла стадо (в Нью-Йорке?). – Нет». «Хочу, чтобы у моей собаки был игривый нрав: 1) очень, 2) в меру, 3) «совсем не». Он закончил и вернул анкету сотруднику приюта, тот изучил ответы, вышел из-за стойки, открыл стеклянную дверь и жестом пригласил посетителя идти следом.

Лео увидел загоны, в которых сосуществовали коты и кошки, и индивидуальные отсеки для собак самых разных пород. Окон не было, помещение освещалось неоновыми лампами.

– Хотите большого или маленького друга? – спросил молодой человек, двигаясь по проходу.

Животные, разбуженные присутствием двуногих, завол-

²⁶ Здесь: найдите подходящего питомца (англ.).

новались, начали метаться.

– Не слишком большого, но и не кроху.

– А... какой масти?

– Любой... но чтобы был шерстяной.

– Вообще-то, шерсть есть у всех псов.

– Я пытался пошутить... – признался Лео.

– Ха, ха.

– Вот этот! – Лео резко остановился.

Сопровождающий проследил за его взглядом:

– Отличный выбор. *Кокер-спаниель*. Он очень хорошо социализирован, ладит с детьми, взрослыми и другими собаками, но иногда плохо реагирует на шум. Пес правильно натренирован, он послушный, добрый, уравновешенный и веселый. Будет стремиться угодить хозяину. Например, бегать вместе с ним трусой, – добавил молодой человек, бросив взгляд на атлетичную фигуру Лео.

Все это время пес наблюдал за людьми, вел себя спокойно, но в его карих глазах угадывалась искорка ожидания: он как будто ждал знака, чтобы проявить игривость.

Лео поднял руку, пес завилял хвостом, висячие уши шевельнулись, он тьякнул – громко и задорно.

– Он мне нравится, – сказал Лео.

– Это наш любимчик... – Парень одобряюще кивнул. – Он отличный пес-спутник, но его придется часто выгуливать... Кокеры склонны к ожирению, так что не перекармливайте и заставляйте бегать-прыгать. Чем вы занимаетесь?

– Работаю с красками...

– Маляр?

– Как его зовут? – спросил Лео, проигнорировав последний вопрос.

– Он безымянный, его привела одна дама, подобрала на улице, но хозяева у бедолаги точно были, это видно по поведению. Дрессировал его профессиональный тренер.

Лео с печалью в сердце подумал о всех собаках на свете, которых никто не забирает из приютов, и на мгновение решил было отказаться от «избранника», чтобы усыновить самого уродливого обитателя «странноприимного» дома. Песик коричнево-рыжей масти подобрался ближе, встал на короткие задние ноги, поскреб передними по стеклу. Он часто дышал, вывалив из пасти язык, как будто улыбался. Взгляд собачьих глаз выражал всеобъемлющую любовь и преданность.

– Вас признали, поздравляю! – Очкарик рассмеялся.

На последние деньги Лео приобрел все необходимое: миски, корм от ожирения, шампунь от блох, резиновые косточки, поводок, матрасик, корзинку – и погрузился с покупками и кокером в такси. Водитель нахмурился, но промолчал и довез пассажиров до места. Лео вылез, свистнул – и пес, вильнув хвостом, соскочил с заднего сиденья на тротуар. На полпути ко входу он вдруг замер, приняхался, огляделся, и у Лео защемило сердце. Выйдя из Райкерс, он тоже опьянел от

воздуха свободы и решил сделать все, чтобы лофт не показался собаке темницей. «Понадобится, будем гулять три раза в день, но первым делом кое-что проверим».

Кокер бежал по лестнице, опережая хозяина, поджидал Лео на каждой лестничной клетке и смотрел, как приближается его Человек, со всем возможным собачьим почтением.

Лео открыл дверь, впустил в квартиру нового жильца, и тот заметался из угла в угол, яростно виляя хвостом. Лео поставил на пол в кухне две миски, в одну насыпал корм, в другую налил воды из-под крана. Кокер шумно вылакал все до капли и продолжил исследовать свое новое дивное обиталище, цокая когтями по паркету. Лео спустился на улицу покурить, вернулся и начал подниматься по лестнице – сначала в обычном темпе, а по мере приближения к лофту все медленнее и тише. Преодолев две последние ступеньки, он замер и прислушался. Тишина. Ни звука из-за двери. Он подкрался совсем близко и... улыбнулся, услышав лай.

Лео разбудило мокрое, теплое и колючее прикосновение к щеке. Лекарство, проданное любезным аптекарем, помогло заснуть, хотя совсем боль не ушла. «Ничего, бывало и хуже...» – подумал он, открыл глаза, услышал радостное тьяканье и увидел черный нос и розовый язык, мохнатую морду, умные карие глаза, полные любви к новому хозяину.

– Ты что тут делаешь? – спросил он, с трудом вытягиваясь на кровати.

Пес в ответ весело гавкнул и вильнул хвостом, хотя сидел, закопавшись в простыни. Ему хотелось играть, а не беседовать. *Ни за что, мы вчера играли целых полчаса!*

– Слезай! – велел Лео и указал пальцем на пол. – Нечего тебе тут делать!

Пес одарил хозяина очередным нежным взглядом, и его хвост превратился в подобие пропеллера.

– Я кому сказал, слезай! – Лео повысил голос.

Взгляда кокер не отвел и с места не сдвинулся. Решил, что не уступит ни пяди завоеванного пространства, а когда человек подпихнул его к краю кровати, уперся четырьмя лапами, но хвост не «выключил».

«Не убедил...» – подумал Лео и пошел в душ, дезертировав с поля боя.

В шесть вечера он свернул на Восточную Пятьдесят пятую улицу у стоящего на углу банка «Уэллс-Фарго». Рядом, перед бутиком Вивьен Вествуд²⁷ и роскошным отелем *St. Regis*, находилась художественная галерея, до закрытия которой оставалась одна минута. Дворники очистили тротуар от снега, в витрине, в глубоком кресле в стиле Людовика XV, расположилась гиперреалистическая скульптура спящего пушистого кота. На секунду Лео решил, что мохнатик – часть инсталляции, но тот вдруг потянулся и спрыгнул на

²⁷ Вивьен Изабель Вествуд (р. 1941) – британская модельер, внедрившая панк и новую волну в мир высокой моды.

пол. Скульптура оказалась имитацией кресла, выдающей себя за реальный предмет мебели. Или все наоборот? Со времен Марсея Дюшана и его реди-мейдов мошенники от искусства совсем распоясались. Лео нажал на ручку, но дверь не открылась, и он постучал по стеклу.

– Мы закрыты! – ответил высокий голос.

Он постучал еще раз и услышал шаги, потом откуда-то из глубины появился смутный силуэт и пересек пустое пространство, как на воздушной подушке. Рост – около метра девяноста пяти, вес – сто тридцать кило, экстравагантные (и огромные) очки в золотой оправе с синими стеклами, прядь белокурых (крашенных!) волос падает на лоб, из всей одежды – подобие детского джинсового комбинезона с «художественными» прорехами и «конверсы». Владелец художественной галереи «Le 55» Захария Израиль Вайнтрауб, для друзей просто Зак, не оставался незамеченным (и это самое меньшее, что можно было о нем сказать!) ни на вернисажах, ни на Нью-Йоркском марафоне, который он бегал каждый год в образе Сальвадора Дали, Энди Уорхола или Фриды Кало – к вящей радости зевак и фотографов. Двойник Элтона Джона в размере XXL всем своим видом выражал неудовольствие, пока не разглядел, что за наглец посмел ломиться в дверь в момент закрытия.

Он повернул ключ в замке и распахнул перед Лео необъятные объятия огромных рук.

– Вот это сюрприз! Всем сюрпризам сюрприз! – восклик-

нул он. – Когда ты вышел?

– Вчера.

Великан хлопнул в ладоши, удивительно маленькие для мужчины таких габаритов.

– Что за день, святые угодники, что за день! Я продал картину за сто тысяч долларов и воочию вижу тебя! Две прекрасные новости за один день! Воистину Господь щедр и великодушен!

– Одну из моих? – спросил Лео.

– Твои взлетели в цене, как только тебя посадили, малыш, но все-таки не настолько. За последние полгода я продал два твоих творения.

– Вот и хорошо. Мне очень нужны бабки...

Гигант так крепко обнял Лео, что едва не придушил его, отодвинулся и вдруг заметил, в каком он состоянии.

– Святые угодники! Что стряслось с твоим прекрасным лицом?

– Я упал.

– Ага, а я – святой Петр. Входи, я не хочу простудиться и умереть – даже ради любимого художника!

– Ты всем это говоришь...

– А вот и нет!

Зак крутанулся на каблуках и пошел по галерее с девственно-белыми стенами. Паркет изготовили из ценных пород азиатского дерева, очень красивого и жутко дорогого: в художественных кругах города Нью-Йорка заботятся об

экологии планеты и не скупятся на траты.

– Писал в тюрьме? – спросил вдруг Вайнтрауб, резко обернувшись.

– Ты это серьезно?

Галерист вяло махнул рукой:

– Сам не знаю... Разве для подобных тебе в наших узилищах не оборудуют мастерских?

Лео не захотел продолжать нелепый разговор, обвел мрачным взглядом развеску картин, казавшихся крошечными на белых стенах. Его всегда занимал вопрос, почему при немыслимой цене квадратного метра на Манхэттене галеристы готовы горло друг другу перегрызть за пустующие помещения.

– Не там, где я был, Зак, – мягким тоном произнес он. – Не там...

– Очень жаль. Правда.

– Там не летний лагерь, Зак.

– Понимаю, я все понимаю...

Толстяк изобразил сочувствующую серьезность.

Это вряд ли, дружище, ничего ты не понимаешь! Такой, как ты, и неделю бы не продержался в тюремных джунглях. Ты мог бы прийти на свидание, поговорить со мной, но не сделал этого. Может, и хорошо, что не сделал...

– Что скажешь о моих последних цыплятках? – спросил Зак, обведя рукой холсты на стенах.

Витринный котище ластился к ногам Лео и мелодично урчал, выпрашивая ласку.

– Нового Баския²⁸ среди них явно нет...

Гигант помрачнел:

– Сам знаю. Времена наступили тяжелые. Подлинное искусство теперь редкость.

– Что это там за красно-желтые пятна? – поинтересовался Лео.

– Менструальная кровь, моча плюс другие выкрутасы...

– И как *оно* называется?

– *Pee & Poo*²⁹.

– Затеяливо...

Лео вспомнил 90 баночек по 30 грамм *Merda d'artista* в каждой, «сотворенных» итальянским художником Пьеро Мандзони в 1961 году³⁰. У того хоть была привилегия «первого в жанре», а эти – жалкие эпигоны.

Зак снова хлопнул в ладоши, привлекая внимание гостя.

– Ты знаешь, что сегодня продадут «Дозорного»?

– Что?! – Лео не поверил своим ушам.

– У *Laurie's*. Скоро начнут. Если не ошибаюсь, это была твоя любимая картина.

Не просто любимая, Зак. Она и все, что создал Чарторыйский. Я из-за него в пятнадцать лет взялся за кисть!

²⁸ Жан-Мишель Баския (1960–1988) – американский художник-граффитист, неоэкспрессионист, визуальный поэт, был прозван «черным Пикассо».

²⁹ Пи`сать и какать (англ.).

³⁰ «Дерьмо художника» (ит.). Пьеро Мандзони (1933–1963) – итальянский художник, стоявший у истоков шок-арта.

«Дозорный» перейдет в другие руки. Именно сегодня. Удивительное совпадение...

– Можешь себе представить?! – воскликнул галерист, угадав мысли друга. – Ты вышел из тюрьмы – они выставили картину на торги. Можно подумать, только тебя и ждали.

– Но не в качестве покупателя, – усмехнулся Лео, – она мне не по карману.

– Мне тоже, – пожал плечами Зак. – Что не помешает нам сходить на аукцион и полюбоваться шедевром. Что за день! – повторил он. – Потрясающий день!

*Даже если это мне только кажется,
Мои карманы набиты мечтами,
Я же из Нью-Йорка.*

Jay-Z и Алиша Киз, «Empire State of Mind»³¹

В тот же день Лоррен присутствует на совещании: в следующем месяце открытие филиала DB&S-NY, необходимо еще раз обсудить тысячу моментов. Потом она улетит в Париж, а в январе вернется в Штаты и окончательно обустроится на новом месте.

Она терпеть не может совещания и однажды заявила двум Полям, что в DB&S тратят на них слишком много времени (как и на обеды, хотя этого Лоррен не сказала; здесь, в Нью-Йорке, все иначе – люди перехватывают что-нибудь на ходу и живут по расписанию).

Ей нельзя терять ни минуты, но она может опереться на двух представителей DB&S в Нью-Йорке: Сьюзен Данбар и Эда Констанцо. «Опереться» – громко сказано. У Лоррен сложилось четкое ощущение, что они сговорились и намерены держать ее на расстоянии... от всего. Сьюзен Данбар –

³¹ «Empire State of Mind» («Нью-йоркское настроение») – третий сингл американского рэпера Jay-Z с его одиннадцатого альбома «The Blueprint 3»; исполнен совместно с певицей Алишей Киз.

пятьдесят восемь лет, серебристо-седые волосы, блестящие светло-голубые глаза, длинное лицо в глубоких мимических морщинах. Породистая дама в костюмчике от Шанель держится очень прямо, слушает объяснения *француженки*, не спускает с нее глаз и часто перебивает:

– Дорогая моя, мы в Нью-Йорке, тут вам не Франция, у нас все иначе.

– Я долго жила в вашем городе, – спокойно сообщает Лоррен.

– Да – ребенком, много лет назад. Нью-Йорк с тех пор изменился...

Какой апломб, а ирония граничит с язвительностью... Потрясающая женщина, всеми силами защищает свою территорию!

– Сьюзен Данбар, родилась двадцать шестого августа тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Джанкшн-Сити, штат Канзас, – ровным тоном начинает Лоррен. – Родители: Эрл Данбар и Эбигейл Хьюсон. Вы получили степень бакалавра в области управления бизнесом и степень магистра экономики в университете Алабамы, прослушали курс управления персоналом в бизнес-школе Колумбийского университета и на факультете бизнеса в Гарварде. По знаку зодиака – Дева с асцендентом в Скорпионе. Начинали вы у *Batten, Barton, Durstine & Osborne*³² в качестве бренд-мене-

³² *Batten, Barton, Durstine & Osborne*, BBDO – крупная мировая сеть рекламных агентств, штаб-квартира которой расположена в Нью-Йорке.

джера, потом были директором по маркетингу в *BBDO New York*. Позже перешли к юристам в *Venables San Francisco*, после них – в *BBH New York*³³. Мне хвалили ваши деловые качества и вашу заметную роль в работе DB&S с *Gillette*, и я очень надеюсь, что смогу использовать ваш опыт в нашей совместной деятельности. Вы будете отвечать за стратегическое планирование и общение с клиентами. Главными американскими клиентами. Ни одно важное решение не будет принято без консультации с вами.

Сьюзен Данбар удивлена и даже не пытается это скрыть. (Судя по всему, лесть действует на гранд-даму точно так же, как на остальные семь миллиардов землян.)

– Все мои знания, умения и базу я предоставлю в ваше распоряжение, – обещает она.

Лоррен делает вид, что верит, улыбается Сьюзен и поворачивается к Эду Констанцо, мужчине среднего роста и среднего возраста, с самым что ни на есть заурядным лицом, если не считать густых и кустистых черных бровей. Он крайне немногословен и держится почти враждебно. Видимо, считает, что пост, полученный Лоррен, должен был достаться ему.

– Эдуардо Констанцо, – начинает Лоррен, – родился тринадцатого апреля тысяча девятьсот семьдесят седьмого го-

³³ *BBH* (Bartle Vogle Hegarty) – транснациональное рекламное агентство, основанное в 1982 году; офисы в Лондоне, Нью-Йорке, Сингапуре, Шанхае, Мумбае, Стокгольме и Лос-Анджелесе.

да в Майами, штат Флорида, родители – Мартин Контана и Делия Аурора Монтес, в шестьдесят втором бежали с Кубы. Имеете диплом университета Флориды по аудиовизуальному маркетингу. Родителей вы потеряли в одиннадцать лет. Овен с асцендентом во Льве. Начинали в *Omnicom*³⁴, быстро поднимались по карьерной лестнице. В две тысячи шестнадцатом году были вызваны в министерство юстиции США в связи с расследованием в секторе производства рекламы. Вы станете креативным директором наших главных проектов и будете отвечать за производство рекламы и постпродакшн. Вам, конечно же, известно, что, несмотря на общемировой рост инвестиций рекламодателей, конъюнктура в этом году более чем неблагоприятная, так что, открывая филиал агентства в Нью-Йорке, DB&S сильно рискует. Решая эту сложнейшую задачу, я хочу опираться на вас двоих – преуспеем мы только вместе. Я не премину довести до сведения Поля и Поля-Анри, какой вклад вы внесли в достижение успеха, и в случае провала поступлю так же.

Около 18:00, день, когда начались торги у *Laurie's*.

Так называемые торги *Various Owners* – со множеством владельцев. Двумя гвоздями аукциона стали один Виллем де Кунинг и один Дэвид Хокни³⁵, предлагались также рабо-

³⁴ *Omnicom Group Inc.* – американский глобальный холдинг в области СМИ, маркетинга и корпоративных коммуникаций со штаб-квартирой в Нью-Йорке.

³⁵ *Виллем де Кунинг* (1904–1997) – нидерландский художник и скульптор, одна

ты Марка Тоби в стиле «белой записи»³⁶, гипнотический ярко-красный Барнетт Ньюман³⁷ и фальшиво-наивная работа Филиппа Густона³⁸.

Лоррен смотрела только на «Дозорного».

Аукционист с молотком в руке походил на Леонарда Бернстайна³⁹. Зал был полон, на правом и левом балконах толпились молодые люди, работающие с клиентами по телефону. «После папиной смерти в 1991 году в мире оставалось не больше ста долларовых миллиардеров, сейчас их тысячи, – размышляла Лоррен, – и даже если искусством интересуются пять-десять процентов, это немереные деньги...» В шикарных кварталах великих мировых столиц – Лондона, Па-

из важнейших фигур абстрактного экспрессионизма. *Дэвид Хокни* (р. 1937) – английский художник, график и фотограф, участник движения поп-арта, один из самых влиятельных британских художников XX века.

³⁶ *Марк Джордж Тоби* (1890–1976) – американский художник, представитель Северо-западной школы абстрактного экспрессионизма. «Белая запись» – стиль, требующий нанесения белых или светлых каллиграфических символов на абстрактный фон, состоящий из тысяч мелких переплетающихся мазков кисти.

³⁷ *Барнетт Ньюман* (1905–1970) – американский художник, одна из главных фигур абстрактного экспрессионизма и, вместе с Марком Ротко, ведущий представитель живописи цветового поля.

³⁸ *Филипп Густон* (Филипп Гольдштейн; 1913–1980) – канадско-американский художник, рисовальщик и муралист, известен прежде всего своими резкими, мультяшными картинами и рисунками, от повседневных сцен до повествовательных политических сатир; один из основателей неоэкспрессионизма.

³⁹ *Леонард Бернстайн* (1918–1990) – американский композитор, пианист, дирижер и популяризатор академической музыки, один из важнейших дирижеров XX века.

рижа, Сингапура, Гонконга – открываются новые галереи, и лучшие из них – в Нью-Йорке.

У *Laurie's* не ждали сумасшедших трат, которые имели место на торгах в аукционных домах *Christie's* или *Sotheby's*, и тем не менее сумма каждой продажи исчислялась миллионами долларов. Да, рынок произведений искусства перегрет, покупателей держат за простофиль, на живопись тратятся сумасшедшие деньги, что выглядит неприличным – чтобы не сказать преступным! – притом что миллионы людей голодают. И Лоррен, жестко контролировавшая свои траты – она даже одежду покупала на распродажах, – была готова согласиться с такой оценкой, но жаждала завладеть «Дозорным», хоть и понимала, что желание стало иррациональным, почти навязчивым. Достигнув совершеннолетия, она «отложила» часть отцовского наследства до того дня, когда шедевр снова вернется в оборот. «Так захотел бы папа...» – думала она, помня, что незадолго до смерти он сказал ей, семилетней девочке: «Об одном я жалею, малышка: что не купил картину сам».

Наконец этот день настал.

– Здесь все, даже болван Гвидо, – сказал Зак. Его тела свисали с узкого сиденья, и он то и дело покушался на жизненное пространство соседей, стул Лео в том числе.

Лео не знал, кто такой этот «болван Гвидо», да это и не имело значения. Сейчас его интересовали только картины

– за освещение он готов был поставить куратору высший балл, – и хотел он одного: встать к мольберту.

– Эти торги не прошли бы тест Бекдел, – заметил Зак.

– Что за тест?

– Он выявляет недоотображение женских персонажей в произведении искусства⁴⁰.

Лео не стал комментировать объяснение, он подумал о Райкерс, о драматичных последствиях гиперсосредоточения тестостерона внутри ограниченного пространства и о том, как сильно за три года изменился мир. Очки с затемненными стеклами скрывали часть синяков на лице, но, войдя в зал, он почувствовал на себе недоумевающие взгляды публики.

– Может, заткнешься... на некоторое время? – прошипел он сквозь зубы.

Великан весело оскалился и поправил огромные очки, сползшие на кончик носа.

– Здесь не тюрьма, Лео Ван Меегерен: все имеют право высказаться.

– Двести тысяч справа! Двести тысяч! Триста тысяч! Четыреста тысяч здесь!

⁴⁰ «Тест Бекдел» отражает адекватность представления женщин в литературе, кино и т. д. и впервые был сформулирован в 1985 году в комикс-стрипе американской комиксистки Элисон Бекдел «Дайки, которых нужно остерегаться» (*Dykes to Watch Out For*, 1983–2008); чтобы произведение прошло тест Бекдел, в нем должны быть: 1) хотя бы две женщины, 2) у которых есть имена и которые говорят друг с другом 3) о чем-либо, кроме мужчин.

Аукционист – двойник Бернштейна – вел торговлю в бешеном темпе, словно боялся опоздать на поезд:

– Пятьсот тысяч по телефону! Пятьсот тысяч! Шестьсот тысяч слева! Шестьсот тысяч! Семьсот тысяч от кого-то в зале? Нет? Да? Кто поднял цену? Вижу вас: семьсот тысяч! Восемьсот тысяч! Восемьсот тысяч! Девятьсот тысяч! Девятьсот пятьдесят тысяч! Миллион! Один миллион – раз... Один миллион – два... Один миллион – три! Продано!

Лоррен задержала дыхание. «Аукционист, наверное, под амфетаминами. Или нанюхался кокса. Вот, уже машет руками, будто дирижирует оперой „Вильгельм Телль“ в каком-то сумасшедшем ритме!» – удивлялась она.

– Переходим к одному из гвоздей сегодняшней программы. Изумительное, каноническое, известное всем вам произведение, дамы и господа, безусловный шедевр Виктора Чарторыйского, ставший неотъемлемой частью истории искусств. Я, конечно же, говорю о «Дозорном». Написанное маслом на холсте в тысяча девятьсот семидесятом году, оно открыло период так называемого «метафизического реализма» в творчестве мастера. Но начнем мы с двух более ранних картин, написанных в экспрессионистском стиле, более темных по общему тону, близких к испанскому маньеризму Эль Греко.

Экспансивный «человек с молотком» повернулся к картинам и простер руку к трем лотам. Помещенный в центре «Дозорный» притягивал к себе все внимание, как Иисус, вися-

щий на кресте между двумя разбойниками на картине средневекового мастера.

– Три миллиона девятьсот тысяч здесь! Три миллиона девятьсот тысяч! – выкрикнул он через двадцать пять минут. – Три миллиона девятьсот! Кто-нибудь предложит четыре?

«Четыре миллиона! В два раза больше моего лимита! – с отчаянием подумала Лоррен. – Ну что за гадство такое, ведь другой возможности не будет, старушка, никогда не будет...»

Она подняла руку.

– Четыре миллиона! – возликовал «Леонард Бернстайн».

Шум в зале. Маленький японец, сидевший на два ряда ближе к кафедре аукциониста, обернулся любопытствовать.

– Четыре миллиона! Четыре миллиоооона!.. *Give me one!*⁴¹

Руку подняла молодая женщина с телефоном возле уха, сидевшая в одном из боксов.

– Четыре миллиона сто тысяч по телефону! Четыре миллиона сто тысяч! – бесновался ведущий.

На табло у него за спиной высвечивались курсы доллара США, евро, фунта стерлингов, швейцарского франка и гонконгского доллара.

– Четыре миллиона двести в зале!

Японец. Проклятье. Лоррен чувствовала, что падает в

⁴¹ Здесь: кто больше? (англ.)

яму. «Дозорный» сейчас ускользнет от нее. Все пропало.

– Дамы и господа, у нас в зале четыре миллиона двести! Четыре миллиона двести! Никто не предложит больше? Никто? Мы продаем! Четыре миллиона двести! Никто не предложит четыре миллиона триста тысяч? Последняя возможность!

Она подняла руку. Стало очень тихо.

Потом снова возник и усилился гул. «Дирижер» улыбался ей во все тридцать два зуба. Японец обернулся еще раз.

– Четыре миллиона триста! – Аукционист был близок к апоплексическому удару. – Четыре миллиона триста тысяч! Последняя возможность... Четыре миллиона триста тысяч... Отдаю? Никаких сожалений? – Он стукнул молотком по кафедре. – Последний лот сегодняшнего вечера... продан за четыре миллиона триста тысяч! Сердечно вас благодарю, дамы и господа! Поздравляю, мадемуазель!

Лоррен показалось, что земля разверзлась у нее под ногами. Она вбухала четыре миллиона триста тысяч долларов в чертову картину.

Совсем обезумела!

Лео не отрываясь смотрел на затылок молодой женщины, купившей «Дозорного» за четыре миллиона долларов. Эта сумма вдвое превышала ту, что требовал с него Ройс Партридж III. Дьявольщина...

Четыре миллиона триста тысяч долларов...

Четыре миллиона триста тысяч долларов...

К которым добавятся транспортные расходы и налог на расходы на участие в аукционах, но всем займутся сотрудники *Laurie's*: в отличие от *Sotheby's* или *Christie's* этот аукционный дом предоставляет своим клиентам более индивидуализированный сервис, что в сравнении с суммами в обороте было сущей ерундой. Лоррен занялась подсчетами. Она потратила все оставшиеся у нее деньги. Воля отца исполнена, но ее все равно гложет чувство вины, что может показаться странным: наследство, о котором она не просила, жгло ей руки. Лоррен всегда хотела избавиться от семейных денег – любым способом. Она огляделась: люди покидали зал. Ей придется ждать тендерный лист.

Он курил на тротуаре Централ-Парк-Вест, в нескольких метрах от аукционного зала, и увидел, как она вышла. Чуть дальше на том же тротуаре Зак на повышенных тонах беседовал с высоченной худой брюнеткой и человечком в очках и тирольской шляпе с пером.

Она перешла дорогу по зебре таким твердым шагом, как будто пробовала вколотить каблуки в асфальт. Лео и сам не понимал, почему решил, что эта женщина француженка, но сразу вспомнил, как жил в Париже, ходил в Лувр, музей д'Орсе, Зал для игры в мяч, Сен-Жермен-де-Пре, Бобур и в кафе на площади Контрэскарп, где тщетно пытался встре-

тить душу Хэма⁴².

Он посмотрел незнакомке вслед, и в его глазах зажглись огоньки, появлявшиеся всякий раз, когда ему нравилась женщина или картина. Лео захотелось подойти и сказать, что «Дозорный» – его самое любимое произведение американского искусства второй половины XX века. И добавить, что она правильно поступила, купив картину, и он сам бы ее отспорил, будь у него деньги.

Лео все еще мечтательно улыбался, когда она вошла в Центральный парк, видимо не заметив, что уже стемнело. Он увидел мужчину, который сидел на скамейке, наклонившись вперед, его лицо скрывал капюшон толстовки. Когда женщина прошла мимо него, он выждал несколько секунд и резко встал с явным намерением отправиться следом.

Ой-ёй-ёй...

Ладно, Центральный парк больше не опасные джунгли, не то что в 1980-е, и все же... Разве не опасно гулять там, только что купив картину за четыре миллиона?

Силуэт в капюшоне не внушает доверия. *В Райкерс, когда один заключенный вдруг «приклеивался» к другому, это не*

⁴² Речь идет о кафе «Дельмас» (*Café Delmas*), которое во времена Эрнеста Хемингуэя называлось кафе «Для любителей» (*Café des Amateurs*), и в «Празднике, который всегда с тобой» обстановка кафе описывалась так: «Кафе было печальное, паршивое, там собирались пьяницы со всего квартала, а я его избегал из-за запаха немых тел и кислого перегара. Женщины и мужчины, собиравшиеся там, были пьяны все время или пока хватало денег – большей частью от вина, которое брали литровыми или полулитровыми бутылками».

сулило ничего хорошего...

«А ты-то куда?» – спросил он себя, выкинул окурок, посмотрел направо-налево, решился, перебежал через четыре полосы Централ-Парк-Вест на уровне пешеходного перехода улицы Сезам и тоже углубился в парковые кущи.

Ночь подсинила выпавший снег, придав пейзажу феерический или призрачный – как посмотреть! – вид. Желтые лужи под фонарями покрылись льдом.

Лео видел, как молодая женщина шагает по извилистой тропинке между деревьями к Вест-драйв, пересекающей парк с севера на юг. Добравшись до нужного места, она повернула на юг, где в хорошую погоду катались бы десятки велосипедистов, но снег лишил их этого удовольствия, остались только пешеходы и лыжники, что слегка успокоило Лео. И тем не менее преследователь не отставал от женщины. Вот будет смеху, если им движет обычное любопытство... Особа, купившая вожделенную картину, заинтриговала Лео, прежде чем нырнуть в нью-йоркскую ночь, и он решил потратить на незнакомку еще несколько минут.

Та шла быстро и не слышала шагов за спиной. Вокруг парка, над деревьями, истекающие светом небоскребы штурмовали ночное небо, здесь же, в этом оазисе, скованном льдом и снегом, царил ирреальный, какой-то подавляющий покой, а серые глаза Лео не выпускали из виду два зыбких силуэта.

Они двигались по дуге вдоль Вест-драйв, когда молодая женщина внезапно решила срезать по короткой полутемной

тропинке, соединяющей Вест-драйв и Сентер-драйв, вознамерившись выйти из парка на уровне Западной Пятьдесят девятой улицы. В этот самый момент и в этом месте неизвестный напал на нее – настолько внезапно, что застал Лео врасплох.

Потом я достал мою бритву.

Ramones, «53rd & 3rd»⁴³

У него был нож! Лезвие блеснуло в лунном свете. Оружие оказалось в руке как по мановению волшебной палочки, когда он вдруг ринулся на молодую женщину, и она обернулась на непонятный звук. Лео заметил, что ее глаза округлились от ужаса, и побежал. Ледяной воздух обжигал легкие, все произошло стремительно, как во сне. Бандит нанес первый удар, разрезавший пальто, пиджак, блузку и задевший кожу, второй рукой он одновременно схватил ее за запястье. Жертва вырвалась, но потеряла равновесие и упала на спину, кагуляр⁴⁴ наклонился, чтобы нанести второй удар, но она успела откатиться по скрипучему, затвердевшему на морозе снегу. Лео оказался рядом, заорал во все горло, надеясь на-

⁴³ «53rd & 3rd» («53-я и 3-я») – песня американской панк-группы *Ramones* о парне-проститутке, который убивает клиента, якобы автобиографичная, по словам ее автора, басиста группы Ди Ди Рамона, и вышедшая на первом альбоме группы «*Ramones*» (1976).

⁴⁴ *Кагуляры* (от *фр. saoule* – капошон с прорезьями для глаз) – тайная профашистская террористическая организация, действовавшая во Франции в 1930-х годах (ее члены не знали друг друга, так как на встречах носили капошоны); в дальнейшем – термин для обозначения членов любых тайных организаций.

пугать преступника, и преуспел: человек обернулся, увидел подмогу и помчался к Сентер-драйв и Западной Пятьдесят девятой улице.

Лео без сил рухнул рядом с молодой женщиной.

Она дышала судорожно и часто, и в ледяной ночи маленькие облачка, вырвавшиеся изо рта, напоминали дымные сигналы индейского вождя. Лео расстегнул ее толстое шерстяное зимнее пальто, раздвинул серый шарф и удрученно покачал головой: на блузке расплывалось широкое кровавое пятно.

– Прошу прощения, – сказал он, – но мне необходимо осмотреть вас.

Дьявольщина! Тонкий шелк на животе промок от крови! Задубевшими от холода пальцами он расстегнул пуговички и в слабом свете, доходящем с Пятьдесят девятой улицы, увидел, что рана неглубокая, но убедиться, что не затронут ни один жизненно важный орган, не смог.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он.

Она опустила глаза на свой живот и сказала тоненьким, дрожащим, как паутина на ветру, голосом:

– Терпимо. Мне даже не больно. Но я замерзла...

Лео вытащил из кармана куртки пачку бумажных платочков в целлофановой обертке. Этому трюку его научили на курсах по оказанию первой помощи.

– Вот, держите. Прижмите к ране и сильно надавите. Нужно остановить кровь. А я позвоню девять-один-один.

Он пристроил пакетик под блузку, взял правую руку молодой женщины, положил ее ладонь сверху и надавил, потом запахнул полы пальто, чтобы она хоть чуть-чуть согрелась, и сделал один из ста сорока миллионов звонков, которые каждый год получает американская служба спасения.

– Здравствуйте, что у вас случилось? – спросила оператор.

Лео объяснил. Выслушав, она переключила его на службу срочной медицинской помощи, и пять минут спустя машина выехала, а его попросили оставаться на линии, пока не появятся врачи. Лео вернулся к раненой.

– Ну как вы тут? – спросил он, держа телефон возле уха.

– Ничего... – ответила она срывающимся голосом. – Только боюсь отморозить задницу...

Лео проверил рану и облегченно выдохнул: кровь остановилась.

– Вы спасли мне жизнь, – произнесла она, глотая слезы.

– Это мы обсудим потом. Не волнуйтесь. Молчите. Помощь на подходе...

С тропинки, выходящей на Вест-драйв, донесся шум, Лео обернулся и увидел высокий силуэт Зака. Толстяк неуклюже ковылял к ним, тяжело пыхтя.

– Господь милосердный! Лео Ван Меегерен заставил меня пересечь весь Центральный парк! В такой-то час! Только художнику могла прийти в голову такая странная идея! Я увидел, как ты сорвался с места, чуть не потерял тебя из виду! Куда это ты наладился в темноте?! – Зак внезапно смолк,

наткнувшись взглядом на лежавшую на земле женщину. – Господи Иисусе, она умерла?

– Пока нет, – прошептала Лоррен и улыбнулась, несмотря на трагизм ситуации.

– Она жива! – воскликнул великан. – Благодарение небесам! Жива!

– Ты не мог бы не квохтать? – попросил Лео.

– Но она вся в крови! – ужаснулся Зак. – Из нее течет кровь, Лео! Ты вызвал «скорую»?

– Все будет хорошо... – Лоррен попыталась успокоить толстяка. – Он унял кровь. И потом, рана поверхностная, так что...

– Вы француженка? – удивился толстяк, различив ее акцент.

– Да.

– Откуда?

– Из Парижа.

– Ах, Париж, Париж!.. Воображаю, как все удивятся, когда я расскажу, что помог парижанке в ночном Центральном парке!

– Даже не мечтай! – Лео счел своим долгом спустить Вайнтрауба с небес на землю. – Морального долга в тебе не больше, чем в Патрике Бейтмене⁴⁵, а храбрости – как у трус-

⁴⁵ Патрик Бейтмен – протагонист романа Брета Истона Эллиса «Американский психопат» (*American Psycho*, 1991) и его одноименной экранизации (2000), материалист, богатый инвестиционный банкир с Уолл-стрит и серийный убийца.

ливого льва из страны Оз. Не мог бы ты...

Вдалеке завывали сирены.

– Вообще-то, мое имя Захария Вайнтрауб, – сказал Зак. – И я, в отличие вот от этого типа, очаровательный, учтивый и цивилизованный франкофил...

– Перестань, Зак! – Лео укоризненно покачал головой.

– Я Лоррен Демарсан, – представилась незнакомка.

Она перевела взгляд на Лео, снова присевшего рядом с ней на корточки и положившего ладонь на рану.

– А... вы...

– Его зовут Лео Ван Меегерен, – ответил за друга Зак. – Один из лучших художников, которых я выставляю у себя в галерее, – добавил он, вспомнив вдруг, что лежащая на земле женщина только что заплатила четыре миллиона долларов за картину. – Как поправитесь, приходите в гости на Восточную Пятьдесят пятую, мы расположились между банком «Уэллс-Фарго» и...

– Зак! – возмутился Лео. – Дай ей прийти в себя! Ну где они застряли?

– Вы пишете, а вы выставляете? – переспросила заинтересованная Лоррен.

Лео промолчал.

– Мы были у *Laurie's*, – продолжил Зак. Если появлялся шанс «подсечь» потенциального клиента, он был неумолимо напорист, совсем как питбуль. – Мы видели, как вы купили «Дозорного». Вы удивитесь совпадению, но это любимое по-

лотно вот этого здоровяка, немногословного, но талантливо-го. Он начал терзать меня разговорами о Чарторыйском с тех пор, как осознал себя мужчиной.

В глазах Лоррен зажегся огонек любопытства.

– Это правда? – спросила она у спасителя.

– Да что там, в конце концов, происходит? Где они? – воскликнул Лео, прислушиваясь к вою сирен, доносившемуся с Пятьдесят девятой улицы. Вопрос Лоррен он проигнорировал.

Хлопали дверцы машин, кто-то отдавал приказы, к ним бежали люди.

Лео объяснил медикам ситуацию, они склонились над Лоррен, начали светить ей в глаза ручками-фонариками, двое разложили носилки.

– Повезло – рана поверхностная, – сообщил минуту спустя один из врачей. – Не думаю, что задеты внутренние органы, но проверить необходимо, мало ли что. Внимание: поднимаем пострадавшую.

– Что случилось? – спросила женщина в полицейской форме. И она, и ее напарник показались Лео очень молодыми.

– Вот этот джентльмен, – начал Зак, кивнув на друга, – спас жизнь присутствующей здесь даме. Я не преувеличиваю: спас в прямом смысле слова, совсем как в кино. Это не гипербола. Он – гениальный художник и настоящий герой нашего времени. А дама, кстати, француженка.

Инспектор ничего не разобрала из прозвучавшей галиматши и повернулась к Лоррен:

– Что с вами случилось, мадам?

– Зададите все ваши вопросы позже, нам пора везти пострадавшую в больницу, – вмешался сердитый медик.

– Кто-то ударил меня ножом, – сказала лежавшая на каталке Лоррен. – А мсье, – она показала пальцем на Лео, – появился и отогнал его. А меня спас. Я перед ним в неоплаченном долгу.

– Будьте добры, назовите себя.

– Лоррен Демарсан. Я остановилась в «Плазе».

– Ну все, довольно! Грузимся – и поскорее! – подал голос врач.

– Куда вы ее повезете?

– В Маунт-Синай.

Инспектор обратилась к Лео и Заку, достав из кармана блокнот:

– Подойдите, господа, мне нужно задать вам несколько вопросов...

– Я замерз, – пожаловался Зак, похлопав руками в лиловых перчатках, – и сильно проголодался. Может, выпьем горячего кофе? Съедем по пончику? Угостимся хот-догом? Бейглом от Коссара? Или вы предпочитаете чай? Здесь недалеко Русская чайная... Решайтесь поскорее, иначе все мы превратимся в ледяные статуи.

– Можем побеседовать в участке, если хотите... – Инспек-

торша вздохнула. – Там уж точно будет тепло, и кофе выпьем, хоть и гадкого.

Зак сделал кислую мину.

– Не стоит, – вмешался Лео, – мы ответим на ваши вопросы здесь и сейчас и поедем по домам.

Лео услышал лай, открыл дверь и застыл на пороге: квартира напоминала дом в штате Канзас, переживший торнадо пятой категории. Уже через секунду он понял, откуда взялись белые очески, покрывавшие пол и летавшие по воздуху: «кто-то» распотрошил дивный четырехместный кожаный диван, «Честерфилд» цвета подгоревшего хлеба, который Лео повезло купить на блошином рынке Вильямсбург в Бруклине. Виновник безобразия весело встряхнулся и подбежал к хозяину, виляя хвостом и преданно заглядывая человеку в глаза.

Лео удрученно покачал головой:

– С ума сойти можно, только этого мне и не хватало...

Пес напрыгнул на него и поставил лапы на колени.

– Вернуть, что ли, тебя в приют? – задумчиво произнес Лео, сурово глядя на юное дарование, и тут же вспомнил, что утром не выгулял питомца. «Ну что же, сам дурак, взял на себя ответственность, будь любезен следовать правилам...»

– Идем, – строго приказал он, – прогуляемся, раз уж так положено. Но предупреждаю тебя, Пес: выкинешь еще раз такой фортель – надену на тебя намордник и наряжу в смеш-

ной комбинезон, какие носят только жеманные собачонки!
Стыда не оберешься, будешь сидеть дома, мордой к стенке,
и не посмеешь показаться на улице, в приличном обществе.

Никто не ищет спасителя.

Джон Бон Джови, «Midnight in Chelsea»⁴⁶

Больница Маунт-Синай, Восточный Гарлем. Ровно в десять утра Лео подошел к стойке администратора и сказал, что хотел бы посетить Лоррен Демарсан – фамилия в его «исполнении» прозвучала как «Дееууумарзаанн». В ответ его спросили, кем он приходится пациентке. «Братом», – заявил он, и дежурный администратор назвала ему этаж, номер палаты и предложила пройти к лифту.

Медсестра, ехавшая вместе с Лео, обратила внимание на синяки на его лице, но никак их не прокомментировала. «В конце концов, мы в больнице...»

Он не без труда прокладывал себе путь между каталками, посетителями, озабоченными врачами. Один санитар – его правое ухо напоминало растрепанный кочан цветной капусты багрового цвета (типично боксерская травма) – бросил на него подозрительный взгляд, и Лео ускорил шаг, постучал в открытую дверь нужной ему палаты и вошел.

⁴⁶ «Midnight in Chelsea» («Полночь в Челси») – песня американского рок-певца Джона Бон Джови (р. 1962), выпущенная в качестве первого сингла его второго сольного альбома «Destination Anywhere» (1997).

Рядом с Лоррен сидел мужчина лет пятидесяти, квадратный коротышка с крепкой челюстью и густой курчавой рыжей шевелюрой. Одежда – тесный пиджак из синтетики и сбившийся набок галстук – выдавала в нем легавого. Он обернулся и «просканировал» вновь прибывшего, задержав взгляд на синяках, и в его глазах вспыхнул огонек острого интереса.

– Что вам угодно?

– Это он! – воскликнула Лоррен. Она сидела, опираясь на спинку кровати, и смотрела на Лео. – Он пришел мне на помощь. Здравствуйте! – Она расплылась в очаровательной улыбке а-ля Джулия Робертс.

– Здравствуйте, – ответил он.

– Вот как, гм-гм-гм... – Полицейский сверился с записями. – Лео Ван Неггерен, так? Художник...

– Меегерен, – поправил Лео.

Накануне вечером он сообщил инспекторше свои данные, но, конечно же, не сказал, что только что вышел из тюрьмы.

– Ну а вы кто такой?

Рыжий сыщик усмехнулся, как кот-хитрюга, и показал Лео свое удостоверение.

– Детектив Доминик Финк, департамент полиции Нью-Йорка.

– Как у вас дела, Лео? – спросила Лоррен, впервые назвав его по имени. Наверное, решила дать понять, что ее гостя не следует зачислять в подозреваемые.

– Это я должен интересоваться вашим самочувствием.

– Сами видите, они оставили меня на ночь, хотели понаблюдать – лезвие ножа прошло слишком близко от чего-то там важного. Не спрашивайте, от чего именно, – я забыла, то ли селезенки, то ли поджелудочной. А может, желчного пузыря. Так мне кажется... Но сегодня я выйду на свободу. Спасибо, что навестили.

– Хотел узнать новости, – спокойно ответил Лео, – подумал, что застану вас здесь.

Он все еще стоял в дверях, но их глаза – смеющиеся карие Лоррен, задумчивые серые Лео – не отрывались друг от друга, и детектив Финк ощутил себя исключенным, забытым, выброшенным в туманные выси... «Я – ничто», – сказал он себе и вспомнил жену, пилившую его днем и ночью, и дочь, не уступавшую матери в сварливости. Он отыгрывался на коллегах, подозреваемых и всех, кто попадался под горячую руку.

– Гм... – Финк решил прервать молчание.

Лео и Лоррен посмотрели на него. И не увидели. Он не существовал.

– Я не знал, что обидчик мадемуазель Демарсан навредил и вам... – Финк нахмурился. Агент Грэнтам не отразила этого в протоколе опроса.

– Он этого не делал.

Недоверчивость – вторая натура всех полицейских мира, в том числе нью-йоркских. Финк сдвинул рыжие брови. Его

лицо в этот момент выражало недоумение. Вот так же, наверное, Христофор Колумб смотрел на Америку, открыв ее вместо Восточной Индии.

– Я упал, – пояснил Лео.

Он посмотрел на Лоррен, не спускавшую с него глаз и продолжавшую улыбаться. Казалось, она задает себе тысячи вопросов, как и Финк, – тот, впрочем, оставался серьезным.

– Что, если мы оставим мисс Демарсан отдыхать и продолжим разговор в коридоре, господин Ван Меегерен?

– Думаю, это будет мудрое решение, – ответил Лео.

– Благодарю за понимание.

Финк сунул в рот жвачку, прищурился и спросил, уставясь на следы побоев на лице Лео:

– Как это случилось?

– Повторяю, я упал.

– М-да... И случайно оказались в том самом месте, где напали на мисс Демарсан?

– Вовсе нет. – Лео покачал головой, наблюдая за броуновским движением в коридоре. – Я шел следом.

– ?..

Доминик Финк то ли и впрямь искренне удивился, то ли был несравненным лицедеем.

– Думаю, Лоррен рассказала, как провела вечер: я был на аукционе, видел, как она вышла от *Laurie's*, и заметил типа, сидевшего в парке на скамейке, который вскочил сразу, как

только она...

Финк снова сдвинул брови, не переставая жевать, так что мышцы квадратной челюсти напоминали пучки шнуров.

– Получается, тот тип ждал мисс Демарсан на выходе из зала?

– Так мне показалось.

– Ну и дела! Вы рассмотрели его лицо?

– Нет.

– Почему?

– Он был в капюшоне.

– А вы не из болтливых, да, Ван Меегерен? Значит, вы шли за мисс Демарсан и тем типом через парк и не вмешивались, пока он не напал, я все правильно понял?

– Да.

– И он сбежал, как только вы появились?

– Точно так.

– Потом вы упали и заработали вот это?.. – Финк показал пальцем на лицо Лео.

– Все верно.

Лео прекрасно понимал, что его история, рассказанная подобным образом, должна вызвать подозрение даже у самого «доверчивого» копа, а уж Финк совсем непрост. Ох как непрост с этим его «мятым» лицом... Подобные ему пройдохи прокалывают вам шину и сами же помогают менять колесо, отвлекая разговорами, а подельник в это время шарит у вас по карманам. Финк отлепился от стены, вынул изо рта

звачку, осмотрел комочек, как улику, спрятал ее в носовой платок, свернул его и сунул в карман. Несколько секунд он созерцал коридор, где было по-прежнему многолюдно, потом перевел взгляд на Лео:

– Можно сказать, мисс Лоррен повезло, что вы оказались там, где оказались, и решили последовать за ней...

– Пожалуй.

Рыжий сыщик энергично покивал, но выглядело это ненатурально, и Лео мгновенно насторожился.

– Вот уж удача так удача, ничего не скажешь! Нью-Йорк – жестокий город, здесь можно подышать на улице от сердечного приступа, и никто не проявит участия. Подобное случилось тысячу тысяч раз...

Финк смерил Лео долгим взглядом:

– А вы появились в нужном месте в нужный час и спасли прекрасную даму... Воистину как добрый самаритянин. Вы, кажется, живете в Сохо?

– Да.

– Там роскошно. Видно, у вас есть денежки... Вы ведь вроде бы художник? Ваши картины хорошо продаются?

– К чему вы клоните, Финк?

Доминик Финк покачал головой, сделал вид, что задумался, и заговорил – как будто нехотя, нарочито растягивая фразы:

– Ладно, давайте представим... только представим, что вы с тем типом знакомы. Допустим даже, что вы, как бы выра-

зиться поточнее... *сообщники*. Вы заметили – или вычислили, уж не знаю как – красивую, молодую и очень богатую женщину. Ваш поделник кидается на нее с ножом, и тут появляется вы – в роли спасителя. Понимаете, куда я клоню? Нет? Предположим – снова только предположим, – что после этого вы просите у нее денег... Разве она сможет отказать спасителю, тем более что бабок у нее предостаточно, она только что выложила за картину четыре миллиона долларов. Вообразим, что вы идете еще дальше и соблазняете ее. Да, я заметил, как она на вас смотрела. Вы – красивый парень, артистичный тип, такие популярны в наше время. Итак, продолжим, господин художник и герой. Вы кадрите даму и тянете из нее бабки... все больше и больше... которыми делитесь с дружкой-приятелем.

Инспектор почесал затылок.

– Вообще-то, марионеткой можете быть вы, а кукловодом – он. Судя по лицу, вас могли принудить...

Довольный своими выкладками, он бросил на Лео хитрый взгляд:

– Что скажете?

– Скажу, что это бред свинячий, не более того.

Полицейский кивнул с раздумчивым выражением на лице:

– Не исключено... Возможно, бред. Возможно, свинячий. А может, и нет... В данный момент никто, кроме вас, ничего не знает наверняка.

Доминик Финк смотрел на Лео без улыбки.

– Слушайте внимательно, Ван Меегерен: я не знаю, кто вы, но с вами что-то не так. Ваша история хромает... Хотите совет? Оставьте даму в покое. А теперь валите отсюда.

*Нью-йоркские копы,
Нью-йоркские копы,
Они не слишком умны
Они не так уж умны...*

The Strokes, «New York City Cops»⁴⁷

Лео бежал вверх по лестнице с привычным чувством опаски (это было одно из многих действий, запрещенных в Райкерс, потому-то он так и поступал теперь – пора отвыкать от тюремных привычек!) и открыл дверь лофта, мучимый дурными предчувствиями. Все оказалось в полном порядке. Все, кроме одного: «сторож» спал без задних лап, и его не разбудил щелчок замка. В довершение всех безобразий пес отдыхал на кровати.

Первым побуждением Лео было как следует наподдать нарушителю порядка, но он вспомнил стеклянные приютские клетки и передумал. Кокер слегка похрапывал и видел сны, длинные уши то и дело нервно вздрагивали.

Лео улыбнулся, вспомнив, что в тюрьме, где моменты покоя, когда человек принадлежит только себе, очень редки,

⁴⁷ «New York City Cops» («Нью-йоркские копы») – песня *The Strokes*, американской гаражной инди-группы (с 1998) с ее дебютного альбома «Is This It» (2001).

сон – величайшая ценность. Снова пошел снег, редкие пухлые снежинки медленно планировали на холоде, летели через дорогу, гонимые порывами ветра. Он сходил в ближайший магазин самообслуживания и отоварился чистящими средствами, зубной пастой и щеткой, шампунем и мылом, потом заглянул в «Гараж гурманов» на Брум-стрит, 489, и купил продуктов: яиц, спагетти, кофе в зернах, оливкового масла, стейков, жареного калифорнийского цыпленка с ямсом, взял меч-рыбу и красный итальянский радиккьо⁴⁸ из Тревизо.

Вернувшись на «камбуз» с тяжелыми пакетами, он застал собаку в той же позиции. Спящей. Невероятно! *И это, по-вашему, сторожевой пес?*

Чуть больше тридцати часов назад ребята Ройса Парtridge III нанесли Лео визит и передали требование босса вернуть два миллиона долларов. Лео даже приблизительно не представлял, где он за две недели достанет такие деньги. Слишком мало времени... Даже если немедленно вернуться к работе, подходящий «клиент-простак» вряд ли найдется. Мысленно произнесенное слово «писать» пробудило жгучее желание встать к мольберту и успокоить прятавшуюся в дальнем углу мозга ностальгию.

Он наслаждался сочной ножкой цыпленка (никакого сравнения с дрянью, которую в Райкерс называют едой!) и голо-

⁴⁸ *Радиккьо* – итальянский цикорий, разновидность листового цикория с темно-красно-фиолетовыми листьями с белыми прожилками.

сом Леонарда Коэна, наплывавшим на него из двух колонок. Певец напоминал, что краплены карты и не с чего ходить⁴⁹, и тут в дверь постучали. Лео выключил музыку, услышал: «Это Финк», – открыл и оказался лицом к лицу с рыжим копом-коротышкой. В руке хитрован держал стаканчик дымящегося кофе.

– Можно войти?

Прозвучало не как вопрос. Финк вбежал в квартиру, как боксер на ринг, сделал несколько шагов и воскликнул:

– Ух ты, как здесь просторно! Не то что моя берлога в Куинсе! Ваша или снимаете?

Он резко повернулся, так что заиграли мускулы под слишком узкой курткой.

– Не похоже на Райкерс, да, приятель?

Финк допил кофе, кинул в рот пластинку жвачки и уставился на Лео:

– Вы не сказали, что только что вышли из тюрьмы...

В воздухе повисла пауза. Лео молчал, коп жевал. Молчание длилось и длилось, но тут проснулся кокер, тьякнул, весело завертел хвостом и прыгнул с кровати, решив поприветствовать гостя. Финк аккуратно погладил пальцем черный собачий нос.

– Не знаю, что и думать... – задумчиво произнес он. –

⁴⁹ Слова из песни канадского поэта, певца, автора песен Леонарда Коэна и Шэрон Робинсон «Everybody knows» («Все знают») с альбома Коэна («I'm Your Man», 1988), перев. А. Толкачева.

Бывший подделыватель картин якобы случайно оказывается на аукционе, где молодая женщина покупает один из лотов за четыре миллиона долларов. Она идет через парк, на нее нападает негодяй, легко ранит, а рецидивист приходит жертве на помощь. Кстати, мне почему-то кажется, что вот эти... украшения... – Финк кивнул на синяки на лице Лео, – вы получили гораздо раньше... Странная складывается картина, вам так не кажется? Вроде обманки. Граница между жизнью и искусством стерта... мошенник вмешался в псевдопокушение... Чистый *хепенинг*, можно даже сказать перформанс... Называйте как хотите, автор вы.

Лео не знал, насколько соответствует истине песня *The Strokes* «New York City Cops» и действительно ли нью-йоркские полицейские не такие уж умные ребята. Возможно, это еще одно тупое клише для богатеньких. «Экземпляр», который нанес визит в лофт, выглядел прожженным типом.

– Ну что, я прав? Это была инсценировка?

– Я только что с нар.

– Отвечайте на вопрос, не увиливайте.

– Нет. Вы не правы.

– Где учат подделывать картины?

Лео улыбнулся, не скрывая сарказма.

– Сделаете так еще раз, – проворчал Финк, – получите в зубы.

Лео промолчал, но улыбаться не перестал.

– Вы ведь не успокоитесь? – спросил Финк. – Снова нач-

нете рисовать фальшивки. Это ведь как наркотик, с него не слезешь. Копировать Пикассо так, что ведутся первоклассные специалисты, – все равно что играть в покер с лучшими и брать над ними верх. Между прочим, я обожаю покер. Неплохо играю, замечаю, кто блефует, кто нет, а Пикассо ваш – полный отстой.

Лео и глазом не моргнул. Он улыбался.

– Думаете, я ни хрена не смыслю в искусстве? – Финк подмигнул.

Лео молчал, смотрел сквозь Финка, как в больничной палате Лоррен, где тот чувствовал себя невидимкой, ничтожеством.

– Ладно... – Доминик Финк вздохнул, выплюнул жвачку в картонный стаканчик. – Забудьте. Один совет, Ван Меегерен: не пытайтесь меня перехитрить. Мы еще встретимся. Рано или поздно вы снова оступитесь. Это так же точно, как то, что моя мать – не ваша... Когда придет время, я буду на месте.

Полицейский пошел к двери. Лео улыбался, и улыбка исчезла, только когда он остался один.

Лоррен все еще в больнице Маунт-Синай; она сидит на кровати в своей палате и смотрит на женщину, которая говорит с ней как с десятилеткой. Эта женщина – ее мать. В Нью-Йорке 15:13, в Париже 09:13 утра. У них так мало общего, что Лоррен готова усомниться в родстве, иногда она даже

сомневается, что их девять месяцев связывала пуповина. С течением лет красота Франсуазы Бальсан утратила блеск, но приобрела подлинность. Черты лица не кажутся суровыми, то, что только угадывалось за прелестной оболочкой, стало очевиднее. Франсуаза – жесткая и эгоистичная женщина. Ее тело стало массивным, как старинный буфет.

– Ты меня слушаешь или нет? – раздраженно спрашивает из планшета мадам Бальсан.

Лоррен смотрит на женщину, сидящую у камина в низком кресле в стиле Людовика XV, между пьемонтским комодом XVIII века и собранием английских и китайских древностей, мастерски расставленных во всех комнатах квартиры на улице Ле-Тасс, в Шестнадцатом округе столицы. Окнами на Трокадеро и Музей Человека.

– Да, мама.

– Гулять ночью по Центральному парку – верх идиотизма, и как тебе только в голову пришло подобное?!

Лоррен не отвечает, она давно поняла, что спорить бессмысленно: последнее слово все равно за матерью. Всегда. Тех, кто не сдается, она доканывает, так зачем терять время?

24 декабря, ей шесть лет, они с матерью катаются на коньках в Рокфеллеровском центре. Внезапно Лоррен подворачивает ногу, падает, морщится от боли, вот-вот заплачет, рядом останавливается мать, смотрит на нее и отдает приказ: «Вставай, на тебя все смотрят. И не ной, как мокрая курица, я не люблю мокрых куриц. Мне за тебя стыдно. Пожалуйста,

не позорь мать, поднимайся».

– Да ладно тебе, мам, – говорит ее младший сын Димитри.

Ему двадцать восемь, и только с ним мать никогда не спорит. В отличие от Лоррен, он не познал гнева матери, не вкусил прелести ее нравоучений, его не унижали, не оттачивали на нем сарказм. Димитри – последыш, мамин малыш ростом метр восемьдесят восемь.

– Что ты намерена теперь делать? – спрашивает он с тревогой в голосе.

Он поразительно красив, у него прекрасная фигура, широкие плечи, светлые глаза смотрят дерзко, с вызовом, волосы вьются, а его животная грация то и дело покоряет сердце очередной подруги Лоррен. Димитри тоже Бальсан, у них общая мать, но разные отцы. Франсуаза носила его под сердцем и уже была в разводе с отцом Лоррен, когда того убили на манхэттенской улице в тридцать восемь лет, но продолжала жить в Нью-Йорке, у них с отцом Лоррен была совместная опека над дочерью. Через некоторое время после убийства Франсуа-Ксавье Демарсана она вернулась во Францию с дочерью и сыном, Лоррен было семь лет, Димитри – несколько месяцев.

В Париже мать Лоррен не отказалась от нью-йоркских привычек. Чай, суаре, теннис, вернисажи, поездки в Довиль в хорошую погоду с друзьями, зимой – в Куршавель с любовниками. Воспитание детей она препоручила частным школам и нянькам, так Лоррен стала для брата второй матерью.

– Вот ведь гадство! – рычит Димитри. – Жалко, что меня там не было...

Она улыбается. Знает, что младший брат чем угодно рискнет ради нее, он и правда мог бы расправиться с ублюдком из Центрального парка. Хилый в детстве, Димитри упорно занимался спортом, и результат получился впечатляющий. Сейчас он увлекся камбоджийским бокатором, боевым искусством древних кхмеров, почти неизвестным в Старом Свете. Брат Лоррен обожает открывать новые дисциплины и достигать в них необыкновенных высот. А еще он учит неомандейский, редкий язык, восточный диалект арамейского, на котором говорят на юго-западе Ирана, в провинции Хузестан, и пытается стать чемпионом по шахбоксу. В этой, мягко говоря, странной гибридной дисциплине два игрока попеременно играют в шахматы и дерутся на ринге. Придумали эту «прелесть» в Германии.

– Хочешь, я приеду? – спрашивает Димитри. – Стану твоим телохранителем, как Кевин Костнер у Уитни Хьюстон в «Телохранителе»...

Она качает головой и улыбается – идея ее позабавила, – наклоняется ближе к экрану и говорит:

– Я вернусь уже завтра, осталось урегулировать мелкие детали, так что сиди дома, а то прилетишь и не застанешь меня.

– Только поосторожнее, – строгим тоном произносит Димитри.

На почту Лоррен приходит сообщение, она пугается, и Димитри успевает заметить перемену в настроении сестры.

– В чем дело? – вскидывается он.

– Ни в чем, не беспокойся.

– Уверена?

Она кивает. Димитри недоверчиво щурится – он не купился, слишком уж хорошо они друг друга знают и чувствуют. Если у Лоррен грипп, у Димитри начинается насморк. Если она грустит, он звонит, чтобы сообщить: «На меня напала хандра, а ты как?» Им нравятся одни и те же цвета, фильмы, музыка и одежда. Между прочим, она не рассказала ему о таинственном «преследователе», который уже несколько месяцев запугивает ее, утверждает, что двадцать восемь лет назад убил Франсуа-Ксавье Демарсана, обещает прикончить и ее. Лоррен ни с кем не поделилась. Чего она ждет? Надеется, что он устанет и исчезнет? В глубине души она чувствует, что так не получится, и знает, что сообщение от *него*, хотя даже не открыла его.

– Ты побывала у Оскара де ла Ренты?⁵⁰ – спрашивает Франсуаза.

Лоррен сказала матери, что будет занята под завязку, и... получила длинный список поручений.

⁵⁰ *Оскар де ла Рента* (Оскар Аристидес Рента Фиалло; 1932–2014) – американский модельер доминиканского происхождения, основатель компании *Oscar de la Renta*; одевал первых леди США: Жаклин Кеннеди, Нэнси Рейган, Лору Буш и Хиллари Клинтон, стал первым американцем, возглавившим парижский дом высокой моды.

– Нет, мама, собиралась сегодня утром.

– Отстань от нее, мама! – злится Димитри, и Франсуаза умолкает.

Лоррен посылает им воздушный поцелуй, прощается и открывает письмо, пришедшее с очередного неизвестного номера.

Я почти достал тебя в Центральном парке.

Жаль, тот тип вмешался.

Ничего, в следующий раз я доведу дело до конца.

Липкий страх возвращается. У Лоррен холодеет кровь, она вспоминает чудищ, которых боялась в детстве. Ей казалось, что они бродят по особняку отца, но на помощь она не звала, пыталась быть храброй девочкой, лежала в постели, накрывшись с головой одеялом, и тряслась от страха. «Демарсаны не боятся, не жалуются, не ноют и не орут как резаные!» – внушала ей мать, но маленькая Лоррен знала, что чудовища существуют. Она выросла, но то, что ее пугало, никуда не делось. Монстры реальны. Нужны доказательства?

Они убили ее отца.

Она вспоминает другого типа – того, который вмешался и прогнал анонима. Мужчина с обезоруживающей улыбкой и спокойным и мечтательным взглядом, который дружит с экстравагантным типом в больших очках в золотистой оправе.

Лоррен набирает в поиске: «художественная галерея, Пятьдесят пятая улица».

*Я вернусь на Манхэттен
как ни в чем не бывало.*

Нора Джонс, «Back to Manhattan»⁵¹

Восточная Тридцать вторая улица, между Бродвеем и Пятой авеню. Сердце Корея-тауна, корейского квартала-анклава в центре Манхэттена. Между баром-караоке и рестораном *Miss Korea Barbecue* мерцает вывеска «Бокс Тревора». 11 декабря, ровно в 16:00, Лео прошел узким коридором и поднялся по ступенькам в зал, на второй этаж, где царил и правил хозяин здешних мест старик Тревор. Тридцать лет назад он приплыл с Ямайки, чтобы сразиться с Майком Тайсоном, и уже в первом раунде – чтобы быть точным, на семьдесят третьей секунде – был сражен нокаутом, но на родину не вернулся и в конце концов открыл собственный зал. В воздухе пахло потом и резиной, несколько человек «сражались» с грушами, молодые парни отрабатывали движения в свете неоновых ламп, кто-то прыгал через скакалку. Девушек было мало, и вид они имели более чем неприступный.

⁵¹ «Back to Manhattan» («Я вернусь на Манхэттен») – песня американской джазовой певицы *Норы Джонс* (Гитали Нора Джонс Шанкар; р. 1979) с ее четвертого альбома «The Fall» (2009).

Лео подошел к центральному рингу. Стройный жилистый смуглый мужчина лет тридцати боксировал с Тревором, расставив локти и защищая лицо кулаками. Боковым зрением он заметил Лео, от изумления забыл о защите и немедленно получил жестокий прямой удар в лицо. На мгновение окружающим показалось, что его голова оторвется от шеи и покатится по матам.

– Тревор, мать твою! – рыкнул пострадавший. – Я не был готов!

– Долго будешь готовиться? – рявкнул в ответ Тревор и попер на соперника, как танк. – В чем дело, Гонзо? Ты двигаешься, как Дэвид Ли Рот⁵². Мы не на танцах, парень!

– Кто он такой, этот Дэвид?! – Молодой брюнет разволновался, сорвал шлем, перчатки и швырнул их на пол. – Да я расколю тебя, как полено, старикашка!

Он пролез между веревками, прыгнул вниз, кинулся к Лео, широко улыбаясь, сграбастал его за плечи и обнял, провожаемый насмешливым взглядом Тревора.

– Вы только посмотрите, кто тут у нас! «Художник» вернулся! Иисус, Мария, Иосиф! – радостно вопил Гонзо.

– Снова будешь малевать картинки? – спросил Гонзало Роча, или попросту Гонзо, впиваясь зубами в сэндвич с са-

⁵² *Дэвид Ли Рот*, известный также как «Бриллиантовый Дэйв» (р. 1954) – американский рок-певец, автор песен, актер, один из вокалистов хард-рок-группы *Van Halen*.

лом и луком. – На *этом* можно заработать? На *настоящей* живописи?..

– Ему хватит, если он вернется к своим поддельным Ван Гогам... Да они были в точности как настоящие...

– Думаешь, полицейские о нем забудут? – возмутился Роча. – Ты сбрендил или как? Вот Лео не дурак, он точно не хочет назад в тюрьгу! Так ведь, Лео?

– Ты заматерел, – заявил Тревор, оглядев Лео взглядом специалиста, и шумно всосал порцию корейской веганской лапши. – Вон какие мышцы накачал, пока сидел.

– И правда, – покивал Гонзо, – настоящий маленький командос.

Гонзало Роча знал, о чем говорил: он провел десять лет в отряде «морских котиков» США – самом подготовленном отряде и самом опасном из подразделений специального назначения в мире, чьим девизом была фраза: «Единственный легкий день был вчера!» На гражданке Гонзо стал милейшим из людей, почти беспечным, со своеобразным чувством юмора. Он, конечно, все еще мог нейтрализовать любого противника одним пальцем, как Шон Коннери в роли подполковника Алана Колдуэлла в старом фильме «Президио» Питера Хайамса. Гонзо зарабатывал на жизнь, сидя за рулем лимузина, но работал не на «дядю», а на себя.

– Тебе нужна женщина, парень, – высказался он. – С твоей внешностью это будет непросто, но сколько ты не был с... ну, ты понимаешь?

Лео не переставал улыбаться. Встреча с друзьями, их искренность, бескорыстие согревали, как зимой жаркий огонь в камине. Их дружба родилась и постепенно окрепла в этом зале, невзирая на разное происхождение, социальную принадлежность и уровень жизни. Однажды Лео продал подделок на пятьсот тысяч долларов и сказал, что хочет вложиться в бизнес Тревора и Гонзо. Сначала они отказались, но он в конце концов добился своего.

– Отстань от него, Гонзо, – велел Тревор. – Пусть продышитесь, он только что вышел. Что у тебя с лицом, Лео? Подрался в тюрьме?

– Ерунда, не о чем говорить... – Лео дал понять, что не хочет развивать эту тему, и почувствовал на себе взгляд Гонзо.

– Этот мистер Ерунда – мастер кулачного боя, он точно знает, куда бить, – произнес бывший спецназовец, внезапно посерьезнев. – Что скажешь, Тревор?

– Хороший удар справа...

– Может, поговорим об этом, *гринго*?

– Нет.

– Как хочешь. Но если попадешь в историю, мы будем рядом.

– Я знаю, Гонзо. Спасибо вам.

– Проехали...

В этот момент завибрировал телефон Лео, и на экране светился незнакомый номер.

– Да, – коротко произнес он.

Пауза.

– Прошу прощения, – произнес красивый голос с французским акцентом, – ваш номер мне дал мистер Вайнтрауб из художественной галереи. Надеюсь, что не помешала вам и вы не рассердитесь на друга за то, что он позволил себе подобную вольность... Вы свободны сегодня вечером?

Сначала он сказал «нет». «Нет, сегодня вечером я занят. Увы, и завтра утром тоже. О, завтра вы улетаете в Париж?.. Тогда в следующий раз... обязательно...» Лео не забыл фразу, которую сказал ему, уходя, инспектор Финк: «Оставьте даму в покое», – но она оказалась упрямой и твердо знала, чего хочет.

В конце концов Лоррен его убедила. Никто не посадит его в тюрьму только за то, что он согласится поужинать с этой француженкой. Даже Финк... Лео представил себе рыжего коротышку, который сидит в машине и наблюдает за ним, поедая бейгл со сливочным сыром, и усмехнулся. Незачем упираться, девушка ему нравится, он не забыл, как весело загорелись ее глаза в больничной палате, стоило ему заговорить. *Лоррен*... Даже имя ему нравится! И французский акцент. Едва различимый, но прелестный. И он сказал «да»: «Договорились, сегодня вечером, в восемь, в *Per Se*...»⁵³ Нужно заново привыкать к миру после Райкерс.

⁵³ *Per Se* («Как таковой», *лат.*) – ресторан новой американской и французской кухни шеф-повара Томаса Келлера (три звезды Мишлен).

Она нервничает. Боится не успеть вовремя. Не любит опаздывать, хотя небольшое опоздание ему не повредит, так ведь? Одно плохо – не стоило сначала одеваться, а уж потом чистить зубы, обязательно заляпаешь пастой обшитый шнуром пиджак! *Проклятье...* Надеть что-нибудь другое? Переодеться? Ни за что, он идеально подходит к узким кожаным брюкам и блузке цвета слоновой кости... Она хватается за салфетку, мочит ее, начинает оттирать пятно. Оно увеличивается! *Идиотка! Намочи сильнее...* Ну вот, исчезло. Зато пиджак промок... *Где фен?* В «Плазе» наверняка додумались оснастить номера феном... Она направляет струю горячего воздуха на пиджак.

Так, теперь ногти. Она не позаботилась о ногтях! Лоррен смотрит на часы. Теперь она точно опоздает. *Где лак? Там...* Ей не хватает практики, хотя премудрость невелика. Напряжение растет, даже внутренности скрутило. *Незачем доводить себя до обморока, это просто ужас.* Ну вот, ногти в порядке. *Что еще?* Она смотрится в зеркало, и настроение резко повышается. Ничего не скажешь: лифчик *push-up* любой женщине добавляет завлекательности. *Вот, значит, чего ты хочешь – завлечь его?* Она почти бежит к лифту, нажимает на кнопку и замечает, что лак цвета «Алая страсть» попал на кожу на двух пальцах. *Растяпа! Неумеха! Нечего было носить, как угорелая кошка!*

Лоррен думает о Лео. Зачем она пригласила его? *Хотела*

поблагодарить. Уверена? Так какого дьявола паникуешь?

Per Se, пятый этаж Тайм-Уорнер-Центра на Коламбус-сёркл, 10. Лео вошел в зал в 20:00 и сразу увидел Лоррен за столом, покрытым белой скатертью. Обстановка напомнила ему декор венских кафе. Девушка пила вино, его пока не замечала, и он успел разглядеть детали ее наряда, отметив, что этот смешанный стиль «Высокая мода плюс рок» очень ей идет. Лоррен сделала пучок, открыв высокий лоб, и умело, в меру, подвела глаза. Длинная шея, густые черные ресницы и пухлые губы довершали образ. Она явно оправилась от травмы и выглядела еще красивее, в чем не было ничего удивительного.

Лоррен наконец увидела Лео и одарила его волшебной улыбкой, разившей наповал, чего уж греха таить.

– Вы точны, – сказала она, пока художник усаживался за круглый столик.

Рядом с ними почти мгновенно материализовался метрдотель, поинтересовался, «хотят ли господа что-нибудь выпить», и протянул Лео карту с таким пиететом, словно это были скрижали Завета.

– Мне то же самое. – Лео кивнул на бокал Лоррен.

– Ночь Святого Георгия. АОС. Давид Дюбан⁵⁴, – с ученым

⁵⁴ Имеется в виду *Nuits-Saint-Georges AOC David Duband*, красное сухое вино пино-нуар с винодельни Давида Дюбана из региона Кот-де-Нюи; Дюбан, сын виноградаря и винодел в первом поколении, производит свое вино с 1991 года, и его винодельня считается одной из лучших в Бургундии.

видом прокомментировал метрдотель и удалился.

Лео поудобнее устроился на стуле, чувствуя взгляды посетителей на своем лице с синяками всех цветов побежалости. Он тщательно выбирал одежду, понимая, что за три года отстал от моды, и в конце концов остановился на старой доброй классике: белая футболка, серый шерстяной пиджак, джинсы и черное кашемировое пальто (его он, естественно, оставил в гардеробе).

– Что-то не так? – встревожилась Лоррен и сделала большой глоток вина, не отводя от Лео карих глаз.

– Все так, просто я не очень привык к... подобным местам, – признался Лео.

Лоррен улыбнулась – глазами: ее несколько не смутил вид рассеченной и опухшей скулы собеседника.

– Уверен, еда здесь превосходная – и очень дорогая, но вам не кажется, что заведению не хватает... оживленности? – спросил Лео.

Лоррен с веселым удивлением обвела взглядом все столики, один за другим.

– Вы правы, вид у них чуточку кислый, – согласилась она.

– Гм-гм...

– Вас унылым типом не назовешь, – продолжала Лоррен, не меняя шутливого тона, и снова посмотрела ему в глаза.

Теперь улыбались оба, зацепившись взглядами.

– Есть идея получше? – спросила она.

– Очень может быть...

– Ну так поторопитесь, пока он не вернулся.

– Вы о гробовщике?

Лоррен засмеялась в голос. Лео достал телефон:

– Привет, Гонзо, мне нужен лимузин... сейчас... да...

Тайм-Уорнер-Центр... да... через десять минут.

– Лимузин? – спросила Лоррен, когда он закончил разговор. – Однако! Ну что, платим за вино и уходим?

– Угу.

– Кто такой Гонзо?

– Увидите.

Ее победительная улыбка стала еще шире.

– Какая таинственность!.. Если он хоть вполовину так же забавен, как ваш друг Зак, будет весело.

– Гонзо очень забавный...

– Прошу на борт, ваше величество! – Гонзо согнулся в полупоклоне, придерживая дверцу.

Лимузин, «Крайслер-3000-Лимо» черного цвета удлиненной модели с затемненными стеклами, был припаркован у тротуара. Снегопад прекратился, похолодало, и Лоррен быстро скользнула в жаркое нутро машины, напоминавшее ночной клуб с мириадами крошечных голубых лампочек.

– Могу предложить охлажденное шампанское, – сообщил Гонзо, садясь за руль. – «Комплимент» от компании.

Они плавно тронулись с места и покатали по обледеневшему асфальту.

– Куда мы едем?

– В *HanGawi*⁵⁵, – ответил Лео.

– Рад служить вам, Королева. Кстати, меня зовут Гонзо, и я ваш водитель, если не заметили. Просите все, что хотите, даже луну с неба.

– Очень рада, Гонзо, – ответила девушка. – Я Лоррен. Ваши слова взяты на заметку.

Обычный рабочий «официоз» – строгий костюм, белую рубашку с черным галстуком – Гонзо сменил на пиджак из альпаки с манжетами на пуговицах, белую рубашку с воротником-стойкой и шелковый галстук. После отставки Гонзо проводил много времени перед зеркалом, в институтах красоты и у дантиста, где регулярно отбеливал зубы. Красивые девушки, чьи адреса и телефоны фигурировали в его записной книжке, легко заполнили бы все танцполы Манхэттена.

Сорок минут они медленно ехали мимо шикарных, ярко освещенных витрин и небоскребов Бродвея, потом по Седьмой авеню на юг, миновали сверкающую огнями Таймс-сквер, повернули на восток и вырулили на Тридцать вторую улицу.

– За типа, сидящего рядом с вами, я отдам жизнь, – серьезным тоном сообщил Гонзо. – В прямом смысле слова. Так что прошу, не разбивайте ему сердце, иначе мне придется порезать вас на куски и скормить рыбам из залива. Или превратить вас в суши.

⁵⁵ *HanGawi* – нью-йоркский веганский ресторан корейской кухни Терри Чхве.

– Вот это я понимаю – друг! – Лоррен улыбнулась.

Мимо окон проплывал укутанный светом город, который никогда не спит.

– Гонзало ничего не делает наполовину, – признал Лео.

– Сегодня я всего лишь ваш скромный шофер, – добавил Гонзо, – но прошу иметь в виду, что я интереснейший собеседник с искрометным чувством юмора и острым умом, поэтому дамы, как правило, ценят мое общество куда выше, чем компанию скучного типа, которому повезло сидеть сейчас рядом с вами. В случае, если через час или два ваши глаза начнут закрываться или вас одолеет зевота, не стесняйтесь – звоните мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.